

И. В. Козлов

ВЕЛИКИЙ
ПУТЕШЕСТВЕННИК

Замечательные географы и путешественники

И. В. Козлов

*ВЕЛИКИЙ
ПУТЕШЕСТВЕННИК*

Жизнь и деятельность
Н. М. Пржевальского,
первого исследователя
природы
Центральной Азии

Москва «Мысль» 1985

ББК 26.8г
К 59

РЕДАКЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Рецензенты А. Н. Жилкин и Э. М. Мурзаев

КОЗЛОВ И. В.

К59   Великий путешественник: Жизнь и деятельность Н. М. Пржевальского, первого исследователя природы Центральной Азии. — М.: Мысль, 1985. — 144 с., ил., карт. — (Замечат. географы и путешественники).
20 к.

До путешествий Н. М. Пржевальского во второй половине XIX века Центральная Азия была «белым пятном». Пржевальский совершил пять путешествий в этот труднопроходимый горный и пустынный район. В книге рассказывается о жизни и деятельности великого путешественника, о его выдающихся экспедициях и неограниченном вкладе в науку.

К 1905020000-070 147-85
004[01]-85

ББК 26.8г
91[09]

ВО ИМЯ НАУКИ, ДЛЯ СЛАВЫ РОДИНЫ

Среди исследователей природы Земли Николай Михайлович Пржевальский занимает особое место. В нем сочетались и первопроходец, открывавший неведомые для науки земли, и географ-исследователь, изучавший во всем комплексе посещенные территории, и талантливый писатель, создавший яркие всесторонние описания тех мест, где проходили маршруты его экспедиций.

Пржевальский был исключительно одаренным человеком. Он обладал крепким здоровьем, физической силой, решительным и твердым характером, острой наблюдательностью и прекрасной памятью, то есть всеми теми качествами, какие, по его собственным словам, необходимы путешественнику. К тому же он был неутомимым ходоком, страстным охотником и отличным стрелком. Сочетание таких качеств и позволило Пржевальскому достичь исключительных успехов в изучении неизведанных просторов Центральной Азии.

Нам, живущим в последней четверти XX в., нередко кажется, что на Земле все давным-давно открыто и исследовано, что изучать осталось только космос. И мы совсем забываем, что территориаль-

ные открытия совершались не только в эпоху Великих географических открытий, но и на протяжении всей истории человечества, включая и XIX, и XX вв.

В истории географических открытий XIX век выделяется исключительно большим количеством экспедиций в самые разные части света и, главное, переходом от открытий и описаний новых территорий к их научному исследованию.

В России важнейшую роль в организации научных экспедиций играло Русское географическое общество. Созданное в 1845 г. по инициативе крупнейших ученых страны, оно ставило своей главной задачей изучение Отечества, а также «познание в географическом отношении других стран земли, преимущественно же сопредельных России».

Н. М. Пржевальский появился в Географическом обществе со своим предложением об исследованиях Центральной Азии как раз в то время, когда стала очевидной необходимость изучения и соседних с Россией стран — их природных богатств, путей сообщения, населения, государственного устройства. Руководители Географического общества, в первую очередь Петр Петрович Семенов (впоследствии Семенов-Тянь-Шанский), определили Пржевальского как энергичного исследователя. А после его успешного путешествия по Уссурийскому краю они оказывали ему активнейшую поддержку в организации экспедиций в Центральную Азию, которая в то время была настоящим «белым пятном» на карте мира.

Английский ученый Дж. Бейкер писал: «Своим исследованием Центральная Азия обязана главным образом русским, шедшим через Тянь-Шань, Памир и Монголию, и англичанам, проникшим в нее со стороны Индии через Каракорумскую группу

гор или через Тибетское плато». Исследование Азии началось в 1857 г. с путешествия Семенова по Тянь-Шаню и Шлагинтвейта в Яркенд. Характерной чертой для XIX в. является скорее большое число исследовательских экспедиций, чем из ряда вон выходящее значение какой-либо одной из них. Однако имя одного из исследователей, а именно Пржевальского, выделяется среди других. Его путешествия, начавшиеся в 1871 г. и оборвавшиеся с его смертью в 1888 г., в корне изменили карту Центральной Азии. Его деятельность требует особого рассмотрения, и ее можно считать поворотным пунктом во всей истории исследований этого района.

Среди других исследователей Центральной Азии Пржевальского выделяет то, что он был первым и, пожалуй, самым отважным и упорным. Во главе горстки русских людей он впервые исследовал обширные пустыни Внутренней Азии и высочайшие хребты Тибета, совершив с 1870 по 1885 г. четыре Центральноазиатских экспедиции. Путешествиями, принесшими ценнейшие для науки сведения, Пржевальский навсегда прославил и свое имя и имя своей родины. Во многом благодаря экспедициям Пржевальского русская географическая наука завоевала большой авторитет во всем мире.

П. П. Семенов в капитальном труде «История полувековой деятельности Русского географического общества» подчеркнул, что путешествия Пржевальского — это целая эпоха в развитии географической науки и один из периодов истории Географического общества, который он так и назвал — «Период экспедиций Н. М. Пржевальского».

Путешествия Пржевальского проходили в трудных природных условиях. За все добытые научные трофеи приходилось расплачиваться ценой ли-

шений и невзгод. Затрудняла работу экспедиций и сложная политическая обстановка, царившая в Китае.

После англо-франко-китайской войны 1856—1860 гг. китайское правительство открыло доступ в страну иностранцам. Однако оно все же боялось проникновения их и старалось помешать этому. К тому же вследствие тяжелого экономического положения во многих частях Китая то и дело вспыхивали восстания, что, естественно, делало опасным передвижение по стране. Первые два центрально-азиатских путешествия Пржевальского как раз проходили по местам, охваченным восстанием мусульманских меньшинств (так называемое дунганское восстание 1862—1877 гг.). Только выдержка, твердость характера и бесстрашие помогли Пржевальскому без столкновений миновать опасные места.

В пути случались иной раз стычки с бандами разбойников, занимавшихся грабежами караванов. Однако с местным населением, если оно не было заранее специально настроено против путешественников, Пржевальский благодаря свойственному ему дружелюбию быстро устанавливал дружеские отношения.

Экспедиции, изучавшие Центральную Азию в последней трети XIX в., возглавлялись, как правило, военными. Этим гарантировались и безопасность путешествий, и материальная поддержка экспедиций не только Географическим обществом, но и военным министерством.

Прекрасный организатор, Н. М. Пржевальский считал необходимыми условиями успеха экспедиций беспрекословное подчинение всех участников воле руководителя, строжайшую дисциплину, личное владение оружием. Подбирая себе помощников, Пржевальский обязывал тех из них, которые

не были военными, определяться в какой-либо полк, а оттуда их уже командировали в состав экспедиции.

В целом все экспедиции Н. М. Пржевальского носили научный характер. Лучшее тому подтверждение — собранные материалы, отчеты о путешествиях. Путешествия Пржевальского совершались во имя науки и для славы Родины. Родина и наука — это были те слова, с которыми Николай Михайлович обращался к подчиненным в трудные минуты, воодушевляя их на подвиг — продолжить путешествие. Странник суровой дисциплины, Пржевальский в то же время очень заботливо и справедливо относился к подчиненным. За время всех путешествий он не потерял ни одного человека. Велика была и преданность спутников своему начальнику, что подтверждает сердечность отношений между ними.

Поставив себе труднейшую задачу — исследовать неведомые просторы Центральной Азии, Н. М. Пржевальский с исключительной энергией и целеустремленностью подготовил себя к экспедициям — стал широко образованным географом, зоологом, препаратором, метеорологом. Во имя осуществления поставленной цели, во имя науки он отказался от всего личного. Его жизнь — пример беззаветного служения долгу, своей стране, пример упорного, неустанного труда. Как образно сказал один из исследователей трудов Н. М. Пржевальского, «подобно тому, как при имени Пушкина нас сразу же осеняет мысль о великом национальном поэте, а при имени Глинки — о национальном композиторе, в имени Пржевальского мы видим прежде всего великого русского путешественника».¹

¹ По меранцев П. Николай Михайлович Пржевальский. — Известия ВГО, т. 72. вып. 4—5, 1940, с. 174.

СЫН СМОЛЕНЩИНЫ

Смоленская земля была родиной многих знаменитых людей. Здесь родились поэт-декабрист Ф. Н. Глинка и основоположник русской классической музыки М. И. Глинка, знаменитый почвовед и географ В. В. Докучаев, путешественник-исследователь Средней Азии П. К. Козлов, выдающийся скульптор XX в. С. Т. Коненков, писатель-фантаст А. Р. Беляев. Смоленщина дала целую плеяду замечательных советских поэтов—М. В. Исаковского, А. Т. Твардовского, Н. И. Рыленкова. Смоленская земля — родина первого человека, совершившего полет в космос,— Ю. А. Гагарина.

Среди самых знаменитых и талантливых людей Смоленщины сияет и имя выдающегося русского путешественника Николая Михайловича Пржевальского.

Свой род Пржевальские вели от запорожского казака Корнилы Анисимовича Паровальского, жившего в XVI в. Этот казак поступил на польскую военную службу и принял фамилию Пржевальский. В 1581 г. он был возведен в дворянское достоинство. Дед Н. М. Пржевальского — Казимир Пржевальский воспитывался в иезуитской школе в По-

лочке, но бежал из нее и, приняв православную веру, стал именоваться Кузьмой Фомичом. Один из двух сыновей Кузьмы Фомича — Михаил после увольнения с военной службы в чине штабс-капитана поселился в 1833 г. у отца — управляющего имением помещика Палибина.

Недалеко от имения Палибина, в деревне Кимборово, жил помещик Алексей Степанович Каретников — человек необычной судьбы. Будучи от рождения «дворовым человеком», то есть безземельным крепостным, он, попав в рекруты, так отличился на военной службе, что получил вольную, офицерский чин и даже дворянское достоинство. После увольнения из армии А. С. Каретников составил себе на гражданской службе небольшое состояние и приобрел в Смоленской губернии сельцо Кимборово, в 42 км юго-восточнее Смоленска (ныне в Починковском районе Смоленской области). Нередко в Кимборово приезжал и молодой М. К. Пржевальский. Со временем поездки его становились все чаще. Михаил Кузьмич полюбил дочь Каретникова — Елену Алексеевну. Чувство оказалось взаимным. В 1838 г. они вступили в брак, а 31 марта 1839 г. у них родился первенец — Николай, будущий путешественник.

В 1840 г. Каретников выделил в наследство дочери домик в лесу, в полутора километрах от Кимборова, куда молодые и переселились. К 1843 г. был построен новый дом. Усадьбу назвали «Отрадное». Здесь и прошли первые годы детства Н. М. Пржевальского.

Михаил Кузьмич скончался от болезни легких в 1846 г., на сорок втором году жизни, оставив на руках жены трех сыновей и дочь. Елена Алексеевна была женщина умная, довольно строгая, но справедливая. Хозяйство она содержала в порядке, но

жила очень скромно. В 1854 г. Елена Алексеевна вступила во второй брак — с Иваном Демьяновичем Толпыго, служащим Смоленской палаты государственных имуществ. У них были дочь и двое сыновей. И. Д. Толпыго хорошо относился к своим приемным детям, был им настоящим другом.

Решающий голос в семье имела Елена Алексеевна. Для детей она была первой учительницей. За шалости нередко наказывала розгами, хотя в общем-то дети пользовались большой свободой. «Рос я в деревне дикарем,— вспоминает Николай Михайлович,— воспитание было самое спартанское: я мог выходить из дому во всякую погоду и рано пристрастился к охоте. Сначала стрелял я из игрушечного ружья желудями, потом из лука, а лет двенадцати я получил настоящее ружье»¹.

Большое влияние на Н. М. Пржевальского в детстве оказывали не только мать, но также и няня Ольга Макарьевна, и дядя, брат матери — Павел Алексеевич Каретников. Няня, или, как ее называет Пржевальский, мамка, часто рассказывала детям сказки. Детская привязанность к няне перешла у Николая Михайловича в безграничное доверие на всю жизнь. Она до конца своих дней была в его доме ключницей, экономкой и главной помощницей по хозяйству.

Павел же Алексеевич гулял с мальчиками, с четырех-пяти лет стал обучать их грамоте и французскому языку, а позже приучил к охоте. Николай очень дружил со средним братом — Володей, старше которого был всего на год. Володя прислушивался, как учат Николая, и сам в четыре года

¹ Пржевальский Н. М. Автобиографический рассказ. — Известия ВГО, т. 72, вып. 4—5, 1940, с. 478.

выучился читать. Для обучения мальчиков приглашались и различные учителя.

Лет с восьми Николай уже жадно читал все, что попадалось под руку. Особенно большое впечатление производили на него рассказы о путешествиях.

После домашнего обучения Николай и Володя в 1849 г. поступили в Смоленскую гимназию, причем сразу во второй класс.

Воспитанное с ранних лет трудолюбие, прекрасные способности и исключительная память выдвинули Н. Пржевальского в число первых учеников. Хотя он среди своих одноклассников был одним из самых младших, но благодаря силе и удали вскоре стал вожаком своего класса.

Жили братья в Смоленске, в маленькой квартирке на Армянской улице (ныне Садовая). За ними присматривали дворовый человек Игнат и кухарка, сестра няни. На каникулы мальчики приезжали в «Отрадное» и обычно поселялись вместе с дядей Павлом Алексеевичем в отдельном флигеле. Во флигеле они, собственно, только ночевали. Дни напролет проводили все вместе в лесу или на рыбалке. В двенадцать лет, когда Николаю подарили отцовское ружье, он убил первую лисицу и, счастливый, преподнес ее матери.

Охотничьи вылазки закаляли здоровье, развивали наблюдательность. Можно сказать, что в смоленских лесах и болотах он постигал те навыки общения с природой, которые пригодились ему во время будущих странствий. Тесное общение с природой оказывало и огромное влияние на формирование душевных качеств. Об этом великолепно сказал крупнейший русский географ, многолетний руководитель Русского географического общества П. П. Семенов-Тянь-Шанский:

«Всему высокому, всему прекрасному научился богато одаренный юноша в лоне матери-природы; ее непосредственному влиянию обязан он и нравственную чистоту и детскую простоту своей прекрасной души, и тонкую наблюдательностью своего ума, и свою неутомимую силу и энергиею в борьбе с физическими и духовными препятствиями, и замечательным здоровьем души и тела, и беспредельною своею преданностью науке и отечеству. В течение всей дальнейшей своей жизни Н. М. Пржевальский не разорвал своей связи с своею смоленскою родиною, с тем дорогим ему уголком земли, где прошло его беззаботное детство, где природа в юношеские его годы выработала из него, почти без посторонней помощи, все то, что сделало его одним из самых выдающихся деятелей своего времени и своего Отечества»¹.

Учение в гимназии шло хорошо, хотя Пржевальского чуть было из нее не исключили. Подбор учителей в гимназии был плохим. И вот однажды в шестом классе один из преподавателей особенно досадил ученикам. Тогда они решили уничтожить журнал, в котором ставились отметки. По жребию совершить этот «поджог» выпало на долю Н. Пржевальского. Он стащил журнал и бросил его в Днепр. За это весь класс посадили в карцер, пока не объявится виновный. На четвертый день, чтобы не страдали товарищи, Николай признался в проступке. Решено было исключить его из гимназии. Мать, узнав о случившемся, уговорила гимназическое начальство, чтобы сына не исключали, а хорошенько высекли. И, хотя учеников шестого

¹ Памяти Николая Михайловича Пржевальского. Спб., 1890, с. 15—16.

класса сечь не полагалось, Пржевальского выпоролы, но в гимназии оставили.

«Вообще розог немало мне досталось в ранней юности,— вспоминал Пржевальский,— потому что я был препорядочный сорванец, так что бывшие в гостях деревенские соседи обыкновенно советовали моей матери отправить меня, со временем, на Кавказ, на службу»¹.

Когда Н. Пржевальский учился в шестом классе, началась Крымская война. Рассказы и сообщения о героических защитниках Севастополя, чтение патриотических книг привели его к решению поступить на военную службу. Сказались, вероятно, и семейные традиции. Поэтому, окончив в 1855 г. с отличием гимназию, Пржевальский подал прошение о зачислении его в полк.

Назначения на службу пришлось ждать все лето. Оно быстро пронеслось в занятиях охотой, рыбной ловлей, в поездках верхом на лошадях. В конце августа начались сборы в дорогу. В Москву поехали вдвоем: Коля — на военную службу, Володя — поступать в университет.

И вот юный Николай Пржевальский, привыкший к вольной жизни, попал в армейскую обстановку. Он был принят унтер-офицером в Рязанский пехотный полк. Вскоре полк из Москвы выступил в поход через Калугу в Белев, где Пржевальский попал в особую юнкерскую команду.

На 16-летнего юношу полковая жизнь произвела гнетущее впечатление. Бессмысленная разгульная жизнь офицеров, их жестокое обращение с солдатами привели к разочарованию в армейской службе. Он писал впоследствии, что пять лет, про-

¹ Пржевальский Н. М. Автобиографический рассказ, с. 478.

веденных в полку, совершенно изменили его прежние взгляды на жизнь и людей.

В ноябре 1856 г. Пржевальского произвели в прапорщики и перевели в Полоцкий полк, который стоял в Смоленской губернии. Офицеры и здесь предавались кутежам, игре в карты, заставляли солдат воровать продовольствие у местного населения. Пржевальский не без увлечения играл в карты, однако пить отказывался категорически. Ротный командир, отъявленный пьяница, заставляя его пить, уговаривал, стыдил, грозил, но, натолкнувшись на твердый отказ, сказал: «Из тебя, брат, прок будет!»

Свою неудовлетворенность военной службой Пржевальский компенсировал чтением книг, охотой, сбором растений тех мест, где он бывал.

За годы службы в полку Пржевальский ясно осознал, что надо избрать другое поле деятельности, где бы труд и время не пропадали даром. Детская мечта о путешествиях превращается в цель жизни. Путешествовать, исследовать никому еще неведомые страны — вот чему стоит посвящать жизнь!

В то время многие европейские путешественники занимались исследованием Африки. Об их экспедициях и открытиях печатались отчеты в газетах, выходили книги. И Н. М. Пржевальский тоже сначала задумал поехать в Африку. Но в 1856—1857 гг. Петр Петрович Семенов открыл для науки огромную горную страну Тянь-Шань, лежащую на южной границе России. А что за Тянь-Шанем, во Внутренней Азии? Это была неведомая для европейцев огромная страна. Пржевальский загорелся желанием исследовать ее. Эта цель была более реальной, чем исследования в Африке. Попасты во Внутреннюю Азию, конечно, легче всего из Сиби-

ри. И Пржевальский подает начальству просьбу о переводе его на Амур. Однако вместо ответа его сажают под арест на трое суток. Он приходит к убеждению, что порвать с полковой службой можно, поступив в Академию Генерального штаба армии, получив высшее военное образование.

В 1860 г. Полоцкий полк переводят в Волынскую губернию, в город Кременец. Здесь Пржевальский прожил одиннадцать месяцев, усиленно готовясь к экзаменам в академию и в то же время изучая труды по ботанике, зоологии, географии, пополняя свой багаж будущего исследователя природы. Свободное от занятий время он посвящал охоте, знакомству с живописными окрестностями города, в первую очередь с Кременецкими горами — отрогами Карпат.

Наконец в августе 1861 г. Николай Михайлович едет в Петербург, в Академию Генштаба. Экзамены сданы на отлично. Опостылевшая армейская служба позади.

При переходе на второй курс Пржевальский написал работу «Военно-географическое обозрение Приамурского края». Выбор темы был не случаен. Николай Михайлович уже длительное время изучал литературу по географии Азии, особенно интересуясь мало изученными территориями, в частности Дальним Востоком. Недаром в Полоцком полку он подавал прошение о переводе на Амур. При составлении описания Приамурского края пригодились его знания по разным наукам, умение ориентироваться в литературных источниках, логически излагать свои мысли. Свою первую научную географическую работу Пржевальский выполнил столь хорошо, что за нее Русское географическое общество в феврале 1864 г. избрало его своим действительным членом.

В академии Пржевальский пробыл всего полтора года, так как в связи с восстанием в Польше в мае 1863 г. состоялся досрочный выпуск слушателей. Николай Михайлович получил чин поручика и отправился снова в Полоцкий полк. Здесь он прослужил десять месяцев. Свободного времени у него было много, и он возобновил усиленные занятия по зоологии, ботанике, географии, чтобы лучше подготовиться к будущим исследованиям, мысли о которых он не оставлял.

Стремясь применить свои познания в географии и в то же время иметь больше возможностей для углубленного изучения дисциплин, необходимых путешественнику-исследователю, Пржевальский решает перейти на работу в какое-нибудь военное учебное заведение.

По ходатайству друзей из Академии Генштаба его в конце 1864 г. назначают в Варшавское юнкерское училище дежурным офицером и преподавателем истории и географии. В своей автобиографии он пишет: «Здесь в течение двух лет и нескольких месяцев я в уверенности, что рано или поздно, но осуществляю заветную мечту о путешествии, усиленно изучал ботанику, зоологию, физическую географию и пр., а в летнее время ездил к себе в деревню, где, продолжая те же занятия, составлял гербарий. В то же время читал я публичные лекции в училище по истории географических открытий трех последних веков и написал учебник географии для юнкеров... Вставал я очень рано и почти все время, свободное от лекций, сидел за книгами, так как, подав прошение о назначении меня в Восточную Сибирь, уже наметил план своего будущего путешествия»¹.

¹ Пржевальский Н. М. Автобиографический рассказ, с. 481.

Пржевальский оказался прекрасным лектором. Он мог цитировать на память обширные выдержки из трудов классиков науки. Вскоре он завоевал симпатии слушателей, особенно своими лекциями по истории географических открытий.

В Варшаве Николаю Михайловичу посчастливилось познакомиться с известным зоологом В. И. Тачановским, у которого он научился умело препарировать птиц и набивать чучела. Это оказалось очень ценным впоследствии для сбора и хранения зоологических коллекций.

Только в субботние вечера позволял себе Николай Михайлович отдых от занятий. Дома у него обычно собирались преподаватели юнкерского училища, студенты естественного факультета университета, профессора. Обладая огромной эрудицией, Николай Михайлович, как правило, захватывал инициативу в разговорах. Он увлекался, развывая какую-нибудь мысль, и увлекал других.

В конце 1866 г. состоялось назначение Пржевальского в штаб Восточно-Сибирского военного округа в Иркутске и одновременно зачисление офицером Генерального штаба. Для получения необходимых инструкций Пржевальский в середине января 1867 г. едет из Варшавы в Петербург. Там он рассчитывает побывать в Географическом обществе и убедить его руководство снарядить экспедицию в Центральную Азию под его начальством. Молодой штабс-капитан был уверен в своих силах и стремился отдать их на пользу науке.

В конце января 1867 г. Пржевальский впервые встретился с П. П. Семеновым, возглавлявшим в то время в Географическом обществе отделение физической географии. Петр Петрович радушно встретил начинающего исследователя. Он и сам примерно в этом же возрасте совершил десять

лет назад свое путешествие в Тянь-Шань. П. П. Семенов уверился в предприимчивости Пржевальского, его энергии, преданности намеченному делу. Однако он прямо высказал молодому офицеру, что Совет Географического общества едва ли решится поручить экспедицию в Центральную Азию человеку, еще ничем себя не зарекомендовавшему. Зная и высоко ценя работу Пржевальского по Приамурью, П. П. Семенов посоветовал будущему путешественнику испробовать свои силы на обследовании мало изученного Уссурийского края. При этом П. П. Семенов обещал Н. М. Пржевальскому, что если тот справится с поставленной задачей, то он будет всячески способствовать снаряжению экспедиции в Центральную Азию.

С рекомендательными письмами к генерал-губернатору Восточной Сибири, а также председателю Сибирского отдела Русского географического общества Пржевальский выехал в Иркутск.

ПЕРВАЯ ПРОБА СИЛ

Уже сама поездка к месту нового назначения — в далекую Сибирь, в Иркутск, была большим событием для Пржевальского.

Сибирского железнодорожного пути еще не было. И всю Сибирь он пересек на почтовых. «Сибирь совсем меня поразила: дикость, ширь, свобода бесконечно мне понравились», — писал Пржевальский в своей автобиографии¹.

Прибыв в начале апреля 1867 г. в Иркутск, Пржевальский благодаря письмам П. П. Семенова был радушно принят и в Сибирском отделении Географического общества, и начальником штаба здешних войск генерал-майором Кукелем. Последний обещал Пржевальскому вскоре устроить командировку в Уссурийский край — по его выражению, «наиболее интересную часть наших амурских владений». Служебная цель командировки состояла в различных статистических обследованиях, главным образом населения, обитавшего вдоль реки Усури. Наряду с этим Пржевальский мог изучать природу края и вести посильные этнографические исследования.

¹ Пржевальский Н. М. Автобиографический рассказ, с. 482.

Н. М. Пржевальский был хорошо подготовлен к путешествию и как географ, и как зоолог, и как ботаник. Составляя описание Амурского края, он тщательно изучил его растения и животных, поэтому легко мог определить, встречается ли то или иное из них и в европейской части страны, или оно местное.

В Иркутске Пржевальский продолжал усиленно готовиться к экспедиции. Целые дни он просиживал в библиотеке Сибирского отделения Географического общества, знакомясь с опубликованной литературой и рукописями, относящимися к Уссурийскому краю. Он выяснил, кто из исследователей там уже побывал, в каких местах, что нового уже открыл. Прочитав все, что имелось об Уссурийском крае, Пржевальский составил памятную книжку-справочник.

Большой заботой было найти надежного помощника. Одному отстреливать животных и их препарировать, собирать растения и их засушивать, а кроме того, вести метеорологические наблюдения, прокладывать маршрут, описывать саму местность, не говоря уже о выполнении служебных обязанностей, конечно, было совершенно невозможно. Когда Николай Михайлович отправлялся в Иркутск, он взял с собой из Польши препаратора. Но, убоявшись такой дали и трудностей длительного путешествия, тот из Иркутска уехал. В помощники себе Пржевальский намеревался подобрать молодого человека крепкого здоровья, смышленного, горевшего желанием поехать отнюдь не из-за денег, а по увлечению, чтобы увидеть новые неизведанные края. Выбор пал на шестнадцатилетнего воспитанника иркутской гимназии Николая Ягунова, сына ссыльного польского повстанца. Николай Михайлович обучил Ягунова мастерству

препаратора, составлению гербария, и юноша был ему деятельным и усердным помощником во время путешествия. Вторым спутником Пржевальского стал казак Николаев.

Что касается снаряжения экспедиции, то научное оборудование состояло всего-навсего из термометра, компаса и маршрутных карт. Не было даже барометра. Единственно, чего было вдоволь,— это дрови и пороху. Дрови Пржевальский взял с собой четыре пуда. И это было необходимо. Охота не только давала материал для зоологической коллекции, но и обеспечивала питание участников экспедиции.

Наконец командировка в Уссурийский край была оформлена. Николай Михайлович сгорал от нетерпения отправиться в путь. 23 мая он писал в Варшаву своему другу И. Л. Фатееву: «Через три дня, т. е. 26 мая, я еду на Амур, оттуда на р. Уссури, озеро Ханка и на берега Великого океана, к границам Кореи.

Вообще экспедиция великолепная. Я рад до безумия! Главное, что я один и могу свободно располагать своим временем, местом и занятием. Да, на меня выпала завидная доля и трудная обязанность — исследовать местности, в большей части которых еще не ступала нога образованного европейца. Тем более что это будет первое мое заявление о себе ученому миру, следовательно, нужно поработать усердно»¹.

Приближался день отъезда. И хоть от Иркутска до Уссури было еще очень и очень далеко, Н. М. Пржевальский уже выезд из города считал началом своего путешествия.

¹ Дубровин Н. Ф. Николай Михайлович Пржевальский. Спб., 1890, с. 52—53.

Первую главу книги о путешествии по Уссурийскому краю он посвящает описанию пути от Байкала до села Хабаровки (ныне город Хабаровск), где в Амур впадает протока Казакевича. Начинает он восторженными словами: «Дорог и памятен для каждого человека тот день, в который осуществляются его заветные стремления, когда после долгих препятствий он видит наконец достижение цели, давно желанной.

Таким незабвенным днем было для меня 26 мая 1867 года, когда, получив служебную командировку в Уссурийский край и наскоро запасшись всем необходимым для предстоящего путешествия, я выехал из Иркутска по дороге, ведущей к озеру Байкалу и далее через все Забайкалье к Амуру»¹.

Переплыв Байкал на пароходе, Пржевальский со своими спутниками на почтовых тройках в несколько дней пересек Забайкалье, проехав почти тысячу верст, и 5 июня прибыл в селение Сретенское (ныне г. Сретенск) на реке Шилке, откуда начиналось пароходное сообщение. Через четыре дня путешественники отплыли на пароходе из Сретенска, но через сотню верст пароход сел на мель и получил пробоину. Это было их первое приключение.

Пржевальский принял решение плыть далее на лодке. Договорившись еще с одним пассажиром, они перетащили вещи в лодку и пустились вниз по течению. Пржевальский был даже рад такому повороту событий: представилась неожиданная возможность лучше познакомиться с местностью, осматриваться там, где окажется что-либо интересное, а заодно и поохотиться.

¹ Пржевальский Н. М. Путешествие в Уссурийском крае. М., 1947, с. 23.

С начала пути Пржевальский стал вести полевой дневник, куда записывал свои впечатления. Он описывает и характер рельефа местности, и особенности растительного покрова, и реки, и встречавшихся зверей и птиц.

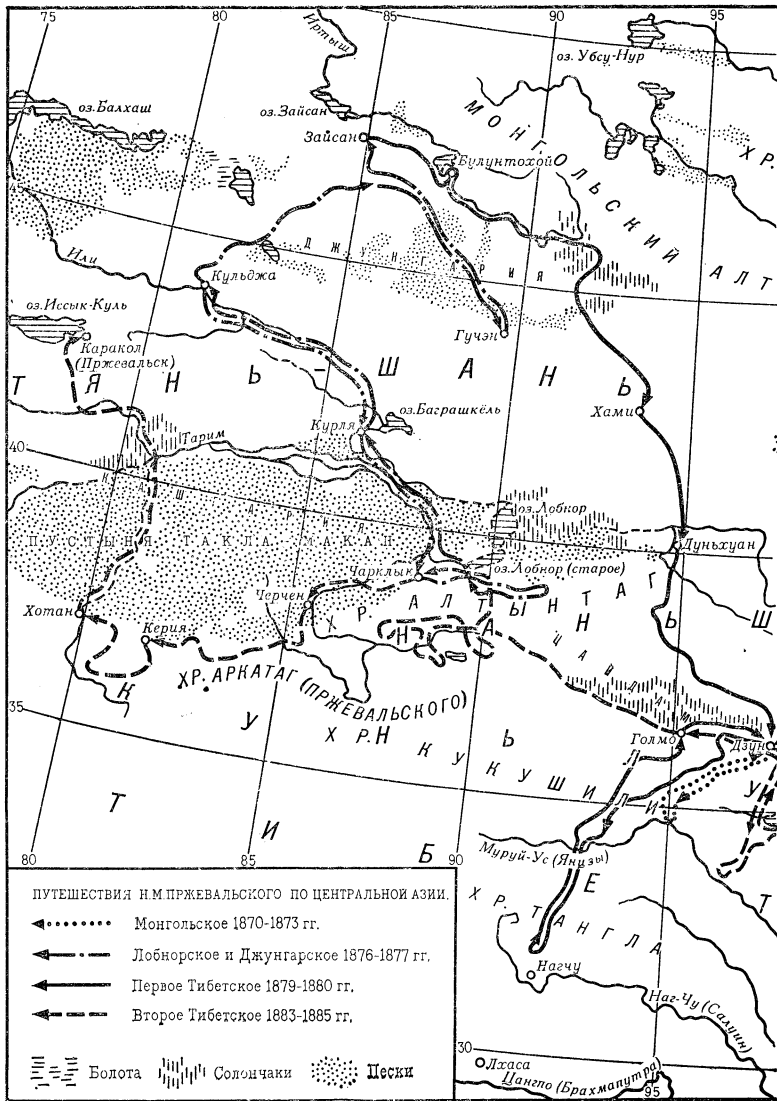
14 июня путешественники прибыли к месту слияния Шилки с Аргунью, откуда и начинается великий Амур. Вскоре в станице Албазин Пржевальский пересел на пароход, направлявшийся в Благовещенск. Амур от Албазина меняет свое направление с восточного на юго-восточное. Изменяется и характер его течения: вместо одного сжатого русла река разбивается на рукава.

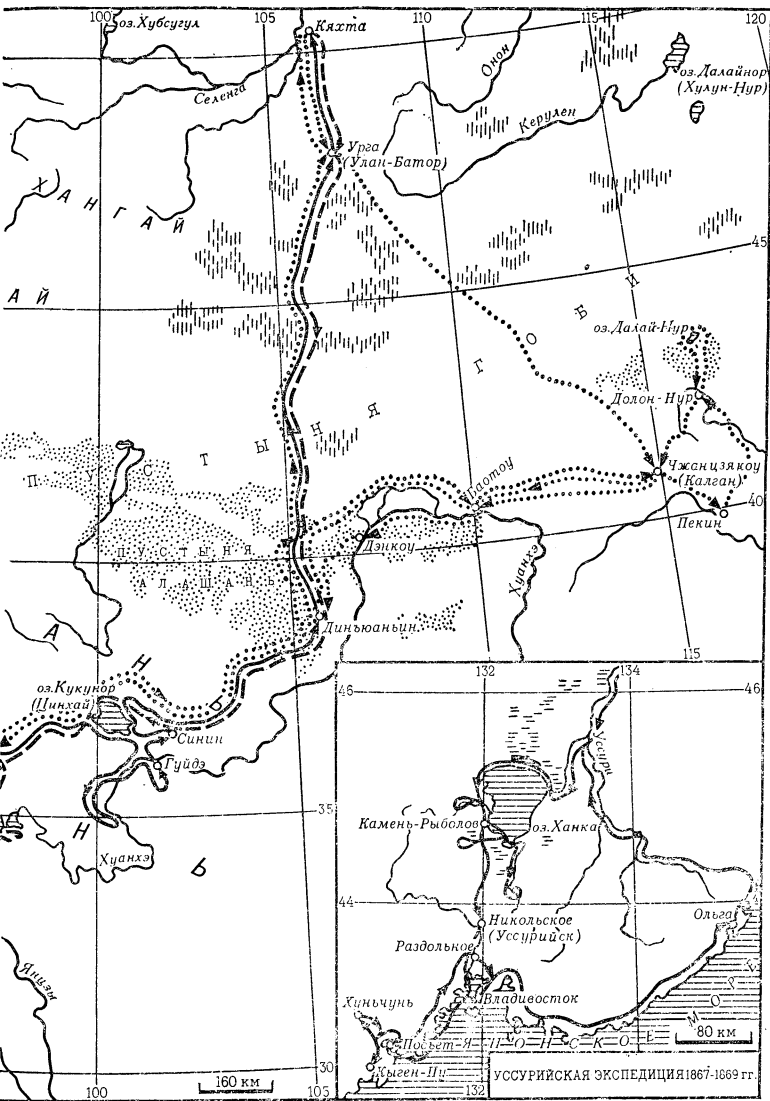
Чем дальше к югу, тем больше в лесах появлялось лиственных деревьев и кустарников, среди которых были дуб и лещина, отсутствующие в Сибири. Начался Дальний Восток.

Пересев в Благовещенске на другой пароход, Пржевальский со спутниками ровно через месяц после выезда из Иркутска, 26 июня, прибыл в Хабаровку, откуда и было намечено начать изучение Уссурийского края.

Пробыв в Хабаровке несколько дней, Пржевальский отправился на лодке вверх по реке. Собственно, они с помощником почти все время шли берегом, собирая растения, подстреливая птиц для коллекции, проводя топографическую съемку местности, уточняя положение притоков реки Усури, проводя метеорологические наблюдения.

Сильные дожди, большая влажность воздуха, характерные для второй половины лета на Дальнем Востоке, осложняли сбор коллекций и затрудняли путешествие. Прибывая к вечеру на отдых в очередную станицу, Пржевальский вместе с Ягуновым сушили травы, набивали чучела птиц. Пржевальский

записывал свои наблюдения в полевом дневнике, намечал задачи на следующий день.

Уссурийская тайга произвела на Пржевальского незабываемое впечатление. В отличие от довольно однообразных сибирских флоры и фауны здесь было необычайное разнообразие видов. «Как-то странно непривычному взору,— писал Пржевальский, — видеть такое смешение форм севера и юга, которые сталкиваются здесь как в растительном, так и в животном мире. В особенности поражает вид ели, обвитой виноградом, или пробковое дерево и грецкий орех, растущие рядом с кедром и пихтой. Охотничья собака отыскивает вам медведя или соболя, но тут же рядом можно встретить тигра...»¹

Но, как и в сибирской тайге, работе страшно мешали тучи гнуса — кровососущих насекомых: комаров, мошки, слепней. Пржевальский пишет, что кто не испытал сам мук от этих насекомых, тот не может даже приблизительно себе представить тех мучений, какие они доставляют.

Исследуя берега Усури, Пржевальский знакомился также с жившими здесь казаками, написал специальную статью о бедственном их положении. Всполашившиеся царские чиновники сфабриковали «опровержение», в котором обвинили молодого исследователя в некомпетентности, в преднамеренном сгущении красок. В своей отповеди клеветникам Пржевальский полностью отменил их доводы и привел новые факты тяжелой жизни уссурийских казаков.

Через 23 дня после выхода из Хабаровки путешественники прибыли в станицу Буссе, преодолев 509 км пути.

¹ Пржевальский Н. М. Путешествие в Уссурийском крае, с. 42.

В 12 км выше станции Буссе в Уссури впадает река Сунгача — сток озера Ханка. Река чрезвычайно извилиста, но судоходна, и Пржевальский со спутниками, устав от плавания в лодке, наслаждались поездкой на пароходe. Через два с половиной дня после отплытия из Буссе они достигли истока Сунгачи, и перед ними открылась обширная водная гладь озера Ханка.

Изучению озера Ханка, его фауны и флоры, наблюдениям за полетами птиц в этом районе Пржевальский посвятил большую часть исследований Уссурийского края. С севера на юг озеро простирается на 95 км. Оно мелководно. Преобладают глубины в 1—3 м. Наибольшая глубина во времена Пржевальского была определена в 7,2 м, ныне обнаруженная составляет 10,6 м. Размеры Ханки и глубины значительно изменяются в зависимости от объемов приносимой реками воды. Из-за малой глубины и частых волнений судоходство на озере подчас затруднено.

Во время первого знакомства с озером Пржевальского особенно поразили обширные заросли лотоса и исключительное обилие и разнообразие рыбы. Как известно, лотос орехоносный (Пржевальский называет цветок по-латыни «нелюмбией») встречается в нашей стране в дельте Волги, в Закавказье и на Дальнем Востоке.

«Это водное растение,— пишет Пржевальский,— близкий родственник гвианской царственной виктории, разве только ей и уступает место по своей красоте.

Чудно впечатление, производимое, в особенности в первый раз, озером, сплошь покрытым этими цветами. Огромные (более аршина в диаметре) круглые кожистые листья, немного приподнятые над водою, совершенно закрывают ее сво-

ею яркой зеленью, а над ними высятся на толстых стеблях сотни розовых цветов, из которых иные имеют шесть вершков (25 см) в диаметре своих развернутых лепестков»¹.

Рыбные богатства озера Ханка Пржевальский объясняет исключительно благоприятными условиями для жизни рыбы и для развития икры — неглубокие, хорошо прогреваемые воды, песчано-илистое дно, болотистые или песчаные берега. Пржевальский перечисляет 33 вида рыб, водящихся в озере. Причем осетры здесь достигают веса 15, а иногда даже более 60 кг.

Весь август 1867 г. провел Пржевальский со спутниками на озере Ханка, изучая его природу и занимаясь переписью крестьян, живших в трех деревнях на западном берегу озера. В начале же сентября он отправился на юг, к побережью Японского моря.

В настоящее время Приханкайская низменность и побережье залива Петра Великого — самые заселенные районы Приморского края. Здесь расположены крупнейшие города края — Владивосток и Уссурийск, важнейшие порты — Находка и Восточный, многочисленные рыбацьи поселки, колхозы и совхозы. А сто лет назад край этот только начинал заселяться, но Пржевальский уже тогда отмечал, что плодородные ханкайские степи — лучшее место для будущих поселений.

Путешественники пересекли по почтовой дороге Приханкайскую низменность, низкий (около 300 м) водораздел между бассейнами озера Ханка и реки Суйфун и спустились по этой реке на лодке к ее устью. Река Суйфун впадает в Амурский залив Японского моря.

¹ Пржевальский Н. М. Путешествие в Уссурийском крае, с. 60.

Амурский залив с его знаменитой бухтой Золотой Рог, на берегах которой лежит Владивосток,— одно из ответвлений залива Петра Великого. Берега этого залива изрезаны и образуют вторичные заливы. Из них наибольший — Уссурийский, самый западный — Посъет, восточный — Америка.

На шхуне «Алеут» Пржевальский отправился в Новгородскую гавань (ныне Посъет)¹, лежащую в заливе Посъет.

Около месяца пробыл Пржевальский в Новгородской гавани, исследуя и описывая окрестности залива Посъет.

Из Новгородской гавани Пржевальский с Ягуновым и двумя солдатами выступили 16 октября. Он наметил маршрут вдоль побережья Японского моря до устья реки Тадуши, затем через хребет Сихотэ-Алинь к реке Уссури. Таким образом он мог ознакомиться с малоизвестной частью Южноуссурийского края. Кроме того, Пржевальский имел служебное поручение переписать крестьян, живущих на Сучане и возле залива Ольги.

Путь от залива Посъет до устья реки Тадуши был самым трудным участком путешествия. Двигаясь параллельно морскому берегу, путешественники непрерывно преодолевали отходящие от Сихотэ-Алиня отроги и разделяющие их долины. Береговая полоса бедна лесами, но в 10—20 км от берега склоны хребтов, разделяющих речные долины, покрыты дремучими, преимущественно листовыми, лесами, где встречалось много различ-

¹ В книге приводятся наименования географических объектов, употребляемые Пржевальским; современные наименования по возможности приводятся при первом упоминании в тексте в скобках. На картах даются современные названия.

ных зверей — диких коз, пятнистых оленей, медведей, кабанов, енотовидных собак, барсуков и других животных.

Попадались и следы тигра, но охота на него оказалась неудачной. На медведей же Пржевальский охотился часто.

Сучанская долина восхитила Пржевальского своей красотой, плодородием и необыкновенным обилием фазанов. Эти красивейшие птицы водились в те годы во множестве в Южноуссурийском крае, особенно на морском побережье.

В охоте, наблюдениях над природой, составлении коллекций, в подробных записях всего увиденного по вечерам быстро проходили дни и месяцы. Осень постепенно сменилась зимой, выпал снег, ударили морозы. Каждый день, в любую погоду совершались длинные переходы. Останавливались на ночлег обычно за час-полтора до заката солнца, чтобы засветло развьючить лошадей, заготовить дрова для костра. Пока готовился ужин (фазан, убитый днем, кусок козы или рыба, а то и просто каша), Пржевальский, разогрев на огне замерзшие чернила, записывал свои наблюдения за день. Подостлав под себя ветви и траву и укрывшись шкурами, путешественники засыпали беспокойным сном. Холод заставлял часто просыпаться и поворачивать к костру то один бок, то другой.

Часа за два до рассвета солдаты вставали, задавали корм лошадям, готовили завтрак. Горячий чай хорошо согревал. С рассветом вьючили лошадей и отправлялись в дальнейший путь. Обычно Пржевальский шел впереди каравана, иногда отходя в сторону от намеченного маршрута. В полдень останавливались перекусить и произвести метеорологические наблюдения.

7 декабря экспедиция прибыла в залив Ольги, где путешественники пробыли шесть дней, отдохнули и сменили лошадей. Отсюда отправились к устью реки Тадуши. По долине этой реки поднялись на Сихотэ-Алинь, перевалили через хребет и по долинам рек Лифудзин и Уссури добрались 7 января 1868 г. до станицы Буссе. Здесь Пржевальский и закончил свой осенне-зимний поход, пройдя вьючной тропой 1100 км. В этом походе были собраны основная часть коллекции зверей и птиц Уссурийского края и богатый гербарий.

С выезда из Хабаровки прошло шесть месяцев. За это время было преодолено более 2250 км. Закончился первый, как бы рекогносцировочный период путешествия по Уссурийскому краю.

Уже в середине февраля 1868 г. Н. М. Пржевальский вновь отправляется на озеро Ханка, где устраивает свою базу близ истока из него реки Сунгачи. Весна 1868 г. (как позже и весна 1869 г., также проведенная на этом озере) была для Пржевальского самым счастливым временем его путешествия по Уссурийскому краю. Он оставил яркое описание весеннего пробуждения природы на озере Ханка и провел систематические наблюдения за изменениями погодных условий, развитием растительности, изменениями в жизни животного мира. Особенно подробны и интересны его орнитологические наблюдения. Пржевальский фиксирует прилет тех или иных птиц, наблюдает за весенними любовными плясками журавлей, токованием тетеревов. Он тщательно записывает, когда и какие птицы начинают пролетать с юга на север, когда начинается и заканчивается их валовой пролет. Орнитологические наблюдения молодого ученого не потеряли своей ценности и до наших дней. Так, отмечая прилет 13 марта японского ибиса — «са-

мой замечательной и редкой птицы здешних мест», Пржевальский пишет:

«Появление этого ибиса на озере Ханка в такую раннюю весеннюю пору, когда все болота и озера еще закованы льдом, а термометр по ночам падает до -13° , составляет весьма замечательный факт в орнитологической географии.

Даже странно сказать, что в то время, когда эта южная птица прилетает на снежные сунгучинские равнины, вместе с нею, еще в продолжении почти целого месяца, живет здесь белая сова, гнездящаяся, как известно, на тундрах крайнего севера»¹.

Здесь, на берегах озера Ханка, было сделано более 200 чучел уток разных пород, журавлей, ибисов, бакланов и других птиц. Обилие дичи доставляло радость Николаю Михайловичу и как охотнику.

Летом 1868 г. Пржевальский был оторван от своих исследований на озере Ханка. Ему пришлось участвовать в военных действиях против вторгшейся в Приморье банды китайских разбойников (хунхузов). Осень же и зиму 1868/69 г. он провел в Николаевске-на-Амуре как адъютант штаба войск Приморской области.

Вспоминая о тягостных месяцах офицерской службы в николаевском гарнизоне, Пржевальский пишет, что там процветали пьянство и игра в карты, что «нравственная гибель каждого служащего здесь неизбежна...». В свободное от служебных занятий время Пржевальский обрабатывал собранные коллекции и написал большую часть книги о своих путешествиях по Уссурийскому краю.

¹ Пржевальский Н. М. Путешествие в Уссурийском крае, с. 147.

Весну 1869 г. Пржевальский встретил вновь на озере Ханка, где пробыл с середины февраля до середины мая. Он наблюдал за пролетом птиц, вскрытием озера, ходом рыбы, пополнял зоологические и ботанические коллекции, продолжал метеорологические наблюдения у истока реки Сунгача.

Три летних месяца 1869 г. Николай Михайлович посвятил изучению долин рек, впадающих в озеро Ханка с юга и запада отысканию южных путей сообщения, как водных, так и сухопутных.

Переплыв на пароходе озеро, Пржевальский 7 августа вновь очутился у истока Сунгачи, откуда начинал свои исследования. На следующий день он должен был ехать на Уссури, спуститься к Амуру и затем к Иркутску и далее в европейскую часть России.

«Два года страннической жизни,— вспоминает Пржевальский,— мелькнули, как сон, полный чудных видений... Прощай, Ханка! Прощай, весь Уссурийский край!»¹

«Экзамен на путешественника» сдан. В начале октября 1869 г. Пржевальский прибыл в Иркутск, где получил приказ о переводе в Генеральный штаб. 29 октября он сделал сообщение на заседании Сибирского отделения Географического общества о своих исследованиях Уссурийского края. Многочисленные слушатели высоко оценили вклад молодого ученого в изучение нового края.

В январе 1870 г. Пржевальский прибыл в Петербург. Тщательно подготовившись, он в марте выступил в Географическом обществе с первым докладом о результатах своей экспедиции. Доклад

¹ Пржевальский Н. М. Путешествие в Уссурийском крае, с. 184.

произвел большое впечатление. Действительно, за два года пребывания в Уссурийском крае Пржевальским было пройдено более 3 тыс. км, собрана коллекция из 310 чучел птиц, 42 видов птичьих яиц (550 шт.), 10 шкур млекопитающих, составлен гербарий из 300 видов растений в количестве 2 тыс. экземпляров. Эти коллекции значительно обогатили географическую науку.

Много было сделано Пржевальским и для изучения климата Уссурийского края. В течение 15 месяцев он вел ежедневные метеорологические наблюдения. Кроме того, им были собраны ценные материалы о народах, населяющих Дальний Восток. За работу «Инородческое население южной части Приморской области», опубликованную в 1869 г., Географическое общество присудило Н. М. Пржевальскому серебряную медаль.

Н. М. Пржевальский не был первым исследователем Уссурийского края. Еще в 1854—1855 гг. здесь побывали этнограф Л. И. Шренк, ботаник К. И. Максимович, в 1857—1859 гг. географ и этнограф М. И. Венюков, натуралист Р. К. Маак. Но по своим научным результатам и яркой характеристике этого края путешествие Пржевальского было в числе самых значительных. Он первый дал комплексное страноведческое описание края — его природы, быта и занятий местных жителей и переселенцев из других районов.

Путешествие по Уссурийскому краю дало много не только науке, но и самому путешественнику. Пржевальский приобрел большой опыт полевых исследований, его воля закалилась, укрепилась твердость характера. Путешествие явилось проверкой всех его сил и талантов.

В том же 1870 г. Пржевальский издал на свои средства книгу «Путешествие в Уссурийском крае,

1867—1869 гг.». Эта книга привлекла внимание русской общественности к далекому приморскому району и сделала имя Николая Михайловича Пржевальского широко известным в России. Уже в первом серьезном отзыве о его книге отмечалось, что строго научное содержание сочетается в ней с доступным изложением, поэтому читается она легко, с большим интересом.

Можно сказать, что «экзамен на путешественника» Николай Михайлович выдержал на отлично. Перед ним открывалась возможность осуществить свою мечту о путешествии в Центральную Азию.

НАЧАЛО ВЕЛИКИХ СТРАНСТВИЙ

Сразу после отчета о путешествии по Уссурийскому краю Пржевальский представил в Географическое общество предложение об экспедиции в Центральную Азию. Его энергично поддержал П. П. Семенов. Совет Общества одобрил проект экспедиции и обратился с ходатайством в Военное министерство с просьбой о командировании Пржевальского в Северный Китай на три года и о соответствующем снаряжении экспедиции. Министерство отозвалось на просьбу Географического общества и назначило в помощники Пржевальскому одного из его бывших учеников, подпоручика Михаила Александровича Пыльцова, — человека, соответствовавшего требованиям экспедиционной работы. Однако средства на экспедицию были выделены очень скудные. Но это не смутило отважного путешественника. Вместе с П. П. Семеновым был составлен подробный план экспедиции. Намечалось провести комплексное исследование природы Монголии, северной окраины Китая (Ордос, Ганьсу) и если будет возможность, то и Тибета. Помимо изучения природных условий предполагалось получить сведения о населяющих эти районы народах.

Центральная Азия манила Пржевальского своей неисследованностью. Среди сравнительно хорошо известных европейцам к середине XIX в. территорий, таких, как Индия, Ближний Восток, Восточный Китай, «белым пятном» выделялась Центральная Азия. Нельзя сказать, что до Пржевальского здесь никто не бывал. Начиная со средних веков, а особенно с XVII в., через Внутреннюю Азию проходили путешественники — миссионеры, купцы, дипломаты. Но среди них почти не было натуралистов. Немецкий географ Ф. Рихтгофен, много сделавший для изучения геологии и физической географии Китая, не проникал в Центральную Азию. На долю Н. М. Пржевальского выпало совершить исследование огромной территории, открыть ее для современной ему науки.

В начале ноября 1870 г., проехав всю Сибирь на почтовых лошадях, Н. М. Пржевальский и М. А. Пыльцов прибыли в забайкальский город Кяхту, через который велась торговля России с Китаем. Отсюда, взяв казака-бурята в качестве переводчика с монгольского языка, наняв верблюдов и телегу, путешественники 17(29) ноября 1870 г. отправились в свою первую зарубежную экспедицию. Экспедиция эта получила название Монгольской, так как большая часть пути, в особенности на первом и последнем этапах, проходила по землям, населенным монголами.

Сначала пришлось ехать в Пекин, где он получил паспорт от китайского правительства для путешествия по Китаю. Как выехали из Кяхты, Пржевальский стал вести наблюдение и описывать природу города и население территории, по которой он продвигался. Преодолев за неделю путь от Кяхты до главного города Монголии — Урги (ныне Улан-Батор) длиной 320 км, путешественники за-

держались здесь на четыре дня. Пржевальский отмечает, что природа местности между Кяхтой и Ургой очень сходна с природой Забайкалья: средневысотные горы, обилие лесов и вод, те же превосходные луга на пологих склонах. Южнее Урги путешественники вступили в восточную часть пустыни Гоби, так называемую Монгольскую Гоби.

Здесь Гоби не столь бесплодна, как в своей центральной и западной частях, — растительность имеет скорее полупустынный характер, монголы пасут тут отары овец. Но и на этом участке пустыня произвела на путешественников безотрадное впечатление своим однообразием, неприветливостью. Поверхность пустыни преимущественно волнистая, покрыта крупнозернистым гравием и мелкой галькой, местами полосами желтого сыпучего песка. Деревьев и кустарников здесь нет, растет лишь редкая трава. Из птиц Пржевальский отмечает воронов, быстрокрылых пустынных и многочисленных монгольских жаворонков, подражающих пению различных птиц. Вороны в Монголии смелы и даже «нахальны». Они воруют у путешественников пищу, расклеивают горбы у верблюдов.

Из млекопитающих для восточной части Гоби характерны пищуха — грызун величиной с крысу, живущий в норах, и антилопа дзерен. Обычно дзерены встречаются стадами от 15 до 40 голов, но осенью и во время отела они собираются в табуны по тысяче голов. Монголы охотятся на них из-за вкусного мяса и шкур, употребляемых для зимней одежды. Стада этих животных произвели большое впечатление на Пржевальского и Пыльцова. Они посвятили охоте на дзеренов несколько дней.

В конце декабря путешественники прибыли в

китайский город Калган (Чжанцзяжоу), контролировавший один из проходов через Великую китайскую стену. Пржевальский пишет, что при спуске с Монгольского нагорья¹ на равнину, с высоты 1600 м над уровнем моря на 800—900 м, климат резко изменился. Перевалив через хребет, отделяющий нагорье от теплых равнин Китая, путешественники из зимы с морозами до -37° попали в весну. Весь характер местности изменился: на юго-востоке расстились обработанные поля, виднелись деревни, сады, встречалось много зимующих птиц.

Проведя пять дней в Калгане среди гостеприимных русских купцов, Пржевальский и Пыльцов продолжили путь в Пекин, куда прибыли 2(14) января 1871 г., преодолев на верховых лошадях 224 км за четверо суток. В китайской столице они прожили почти два месяца, снаряжаясь в экспедицию. Русское посольство в Пекине откомандировало в отряд Пржевальского еще одного казака (из числа состоящих при посольстве).

Прежде чем отправиться в глубь Китая, Пржевальский решил обследовать восточную окраину Центральной Азии. Двухмесячный поход от Пекина к городу Долоннор (Долунь) и далее на 160 км к северу до озера Далай-Нур, а затем снова в Калган дал возможность спутникам Пржевальского проверить свои силы, приобрести навыки походной жизни, а ему самому оценить обстановку, в которой будет проходить дальнейшее продвижение. Во время этого похода была проведена топографическая съемка местности, велась

¹ Во времена Н. М. Пржевальского Монгольским нагорьем называли внутренние возвышенные пространства восточной части Центральной Азии.

наблюдения за погодой, животным миром, собирали гербарий. Тринадцать дней провели путешественники на берегах соленого озера Далай-Нур. Оно служило местом отдыха для пролетных птиц — уток, гусей, лебедей, чаек, бакланов, а также журавлей, цапель и др.

В Калган вернулись 24 апреля (6 мая) 1871 г. К этому времени сюда из Кяхты прибыли два новых казака, а прежние были отпущены домой. Недостаток средств не давал возможности взять побольше помощников, и Пржевальскому с Пыльцовым приходилось наравне с казаками выучить и пасти верблюдов, седлать лошадей, устанавливать палатку, собирать на топливо аргал (сухой помет животных) и выполнять другую работу, отрывая время от научных исследований.

Закончился первый этап экспедиции. За пять месяцев, проведенных в полевых условиях, путешественники ознакомились с природой восточной части Монголии и Северо-Восточного Китая и, главное, освоились с непривычной обстановкой, выработали приемы работы в мало заселенной и иноязычной стране.

Переформировав свой отряд, Пржевальский 3 мая выступил в новый поход. На этот раз он отправился в еще не известные науке края — в Ордос, к изгибу реки Хуанхэ. Караван состоял из восьми верблюдов, двух лошадей и собаки Фауст. Пржевальский с Пыльцовым ехали на лошадях, казаки — на верблюдах. Экспедиция двинулась на запад, сначала по холмистой степи, а затем вдоль северного подножия гор Иншань. В пути Пржевальский продолжает изучать природу и население восточной окраины Центральной Азии.

Еще не доходя Иншаня, в горах Сума-Хада путешественники в первый раз встретили одно из

самых значительных животных высоких нагорий Центральной Азии — горного барана, или аргали — *Ovisargali*, достигающего величины лани.

Не имея проводника, экспедиция двигалась, следуя советам местных жителей. Большие сложности пришлось испытать из-за незнания китайского языка и подозрительности населения. После войн Китая с Францией и Англией местные жители очень настороженно относились ко всем чужеземцам.

В горах Муни-Ула, западной оконечности Иншаня, путешественники пробыли одиннадцать дней, собирая растения и занимаясь охотой. Пржевальский впервые познакомился со всеми трудностями горной охоты. По контрасту с окружающими пустынями природа Иншаня казалась необычной. Хребет этот, тянущийся вдоль берега Хуанхэ, достигал 2440 м высоты и был покрыт лесом. Правда, леса состояли только из лиственных пород, деревья были малорослы и корявы, но это были леса. А выше лесов — великолепные альпийские луга.

С гребня Иншаня Пржевальский впервые увидел Хуанхэ, за которой просматривались пески и степи Ордоса.

11 июня путешественники достигли города Бао-тоу, близ которого переправились на плоскодонных баркасах через Хуанхэ, и вступили в Ордос.

Ордос — это пустынное плато в большой северной излучине Хуанхэ. Преобладающая его высота — 1100—1500 м, в окраинных горах высоты достигают 2000 м, наибольшая — 2535 м. В понижениях — солончаки и соленые озера. Около половины поверхности плато занимают бугристые и грядово-бугристые, частично незакрепленные пески. Наибольший песчаный массив — Кузупчи — расположен на севере Ордоса. Для земледелия пригодна только долина Хуанхэ. Она плотно заселена.

Два с половиной месяца шли путешественники по правобережью Хуанхэ через пески Кузупчи. Вот как Пржевальский описывает распорядок дня: «Хотя мы всегда вставали с рассветом, но укладка вещей и вычюение верблюдов вместе с питьем чая — без чего ни монголы, ни казаки ни за что на свете не шли в дорогу — отнимали часа два и даже более времени, так что мы трогались в путь, когда солнце уже порядочно поднималось на горизонте...

Порядок наших вьючных хождений всегда был один и тот же. Мы с товарищем ехали впереди своего каравана, делали съемку, собирали растения или стреляли попадавшихся птиц; вьючные же верблюды, привязанные за бурундуки один к другому, управлялись казаками. Один из них ехал впереди, вел в поводу первого верблюда, а другой казак вместе с проводником-монголом, если таковой был у нас, замыкали шествие.

Так идешь, бывало, часа два, три по утренней прохладе; наконец солнце поднимается высоко и начинает жечь невыносимо. Раскаленная почва пустыни дышит жаром, как из печи. Становится очень тяжело: голова болит и кружится, пот ручьем льет с лица и со всего тела, чувствуешь полное расслабление и сильную усталость.

Наконец, приближается полдень — надо подумать об остановке... Добравшись наконец до колодца и выбрав место для палатки, мы начинаем класть и развьючивать верблюдов. Привычные животные уже знают, в чем дело, и сами поскорее ложатся на землю. Затем ставится палатка и стаскиваются в нее необходимые вещи, которые раскладываются по бокам; в середине же расстилается войлок, служащий нам постелью. Далее собирается аргал и варится кирпичный чай, который

зимой и летом был нашим обычным питьем, в особенности там, где вода оказывалась плохого качества. После чая, в ожидании обеда, мы с товарищем укладываем собранные дорогой растения, делаем чучела птиц, или, улучив удобную минуту, я переношу на план сделанную сегодня съемку...

Между тем пустой желудок сильно напоминает, что время обеда уже наступило, но, несмотря на это, нужно ждать, пока сварится суп из зайцев или куропаток, убитых дорогой, или из барана, купленного у монголов...

Часа через два по приходе на место обед готов, и мы принимаемся за еду с волчьим аппетитом. Сервировка у нас самая простая, вполне гармонирующая с прочей обстановкой: крышка с котла, где варится суп, служит блюдом, деревянные чашки, из которых пьем чай,— тарелками, а собственные пальцы заменяют вилки; скатерти и салфеток вовсе не полагается. Обед оканчивается очень скоро; после него мы снова пьем кирпичный чай; затем идем на экскурсию или на охоту, а наши казаки и монгол-переводчик поочередно пасут верблюдов.

Наступает вечер; потухший огонь снова разводится, на нем варится каша и чай. Лошади и верблюды пригоняются к палатке, и первые привязываются, последние сверх того укладываются возле наших вещей или неподалеку в стороне. Ночь спускается на землю, дневной жар спал и заменился вечерней прохладой. Отрадно вдыхаешь в себя освеженный воздух и, утомленный трудами дня, засыпаешь спокойным, богатырским сном¹.

В начале сентября экспедиция переправилась на левый берег Хуанхэ и вступила в песчаную пустыню

¹ Пржевальский Н. М. Монголия и страна тангутов. М., 1946, с. 144—145.

Алашань, отличавшуюся бедностью флоры и фауны, безлюдностью и страшной жарой. Среди крупных массивов высоких барханных песков кое-где выделяются темно-зелеными парками заросли черного саксаула, встречаются блестящие на солнце солончаки, песчано-галечные равнины. Довольно многочисленны в этой обширной пустыне низкогорья и мелкосопочник.

В середине сентября экспедиция прибыла в город Динъюаньин (Алашань-Цзоци), откуда через неделю отправилась в близлежащие Алашаньские горы. Горы эти местами превышают 3 тыс. м высоты, но нигде не достигают снеговой линии. Выше 2 тыс. м на склонах встречались смешанные леса. Путешественники провели в горах две недели, собирая коллекции, охотясь на горных баранов и оленей.

До заветного озера Кукунор оставалось всего 640 км, менее месяца пути, но решено было от посещения его отказаться и возвратиться в Калган. Такое решение вызывалось, во-первых, отсутствием средств (осталось менее 100 рублей), во-вторых, ненадежностью казаков, очень тосковавших по дому, в-третьих, необходимостью получить новые документы с разрешением пройти через провинцию Ганьсу до Тибета.

Продажей взятых с собой товаров и двух ружей добыли деньги на обратный путь и выступили из Динъюаньина 15 октября 1871 г. Дорога оказалась длинной (до Калгана было 1280 км) и трудной. Вскоре после выхода заболел тифом Михаил Александрович Пыльцов. Простояли у ручья девять дней. К счастью, молодой организм справился с болезнью. Как только Пыльцов смог кое-как сидеть на лошади, двинулись дальше. На Гобийском нагорье путешественников встретили хо-

лѳда, метели. Было трудно и людям (особенно большому Пыльцову), и животным, страдавшим от бескормицы. 30 ноября (12 декабря) пропали все семь верблюдов экспедиции, за исключением большого. Вероятно, были угнаны. Только через 17 дней удалось купить других и тронуться дальше.

Накануне Нового 1872 года поздно вечером путешественники прибыли наконец в Калган, где были сердечно встречены жившими там соотечественниками — русскими купцами.

Восьмимесячный поход по не исследованным еще никем из европейцев областям Центральной Азии дал ценные результаты. Были собраны зоологические и ботанические коллекции, проведены метеорологические наблюдения, определены астрономические опорные пункты, к которым была привязана глазомерная съемка. Достигнутые успехи еще более укрепили желание отправиться в глубь Азии — к озеру Кукунор, в Тибет.

После возвращения в Калган Пржевальский отправился в Пекин, в русское посольство, за деньгами и документами. Около двух месяцев ушло на сборы в путешествие. Деньги Пржевальскому на 1872 г. еще не поступили, но русский посланник генерал Влангали ссудил необходимую сумму и выхлопотал у китайского правительства паспорт на путешествие в Ганьсу, к озеру Кукунор и в Тибет. Однако к паспорту было приложено специальное уведомление, что в местностях, объятых восстанием дунган, путешествие опасно и что китайское правительство не может поручиться за безопасность путешественников.

Действительно, в эти годы (с 1862 по 1877) китайцы-мусульмане — дунгане, живущие на северо-западе Китая и в провинции Ганьсу, вели ожесточенную борьбу против китайско-маньчжурских

феодалов и династии Цин. В 1866—1870 гг. основной территорией восстания была провинция Ганьсу. Но ко времени путешествий Пржевальского центр восстания переместился в Синьцзян, хотя отдельные отряды дунган и совершали набеги на Ганьсу. За время своего путешествия Пржевальский не встретил дунган, хотя и видел следы войны.

К началу марта сборы были окончены. Состав экспедиции изменился. Сопровождавшие до этого Пржевальского казаки были отпущены домой, а взамен них прибыли два новых.

«На этот раз,— писал Пржевальский,— выбор был чрезвычайно удачен, и вновь прибывшие казаки оказались самыми усердными и преданными людьми во все время нашего долгого путешествия. Один из них был русский, девятнадцатилетний юноша, по имени Панфил Чабаяев, а другой родом бурят, назывался Дондок Иринчинов. Мы с товарищем вскоре сблизились с этими добрыми людьми самой тесной дружбой, и это был важный залог для успеха дела. В страшной дали от родины, среди людей, чуждых нам во всем, мы жили родными братьями, вместе делили труды и опасности, горе и радости. И до гроба сохраню я благодарное воспоминание о своих спутниках, которые безграничной отвагой и преданностью делу обусловили как нельзя более весь успех экспедиции»¹.

5 марта 1872 г. Пржевальский со спутниками выступил из Калгана и тем же путем, что и в прошедшем году, направился в Алашань. В середине мая вступили в Алашаньскую пустыню, а к концу месяца достигли города Динъюаньин. Здесь отряд

¹ Пржевальский Н. М. Монголия и страна тангутов, с. 178.

Пржевальского присоединился к каравану, следующему из Пекина в кумирню (святилище) Чейбсен, лежавшую в провинции Ганьсу, в пяти днях пути от озера Кукунор. Выступили в дальнейший путь в начале июня, а 20 июня поднялись на горы Ганьсу, составляющие часть обширной горной системы Наньшань.

В горах Ганьсу и на плато, отстоящих от Алашаньской пустыни всего на 40 км, природа имела совершенно иной облик. Прохладный, очень влажный климат, черноземная почва, богатейшая травянистая растительность на плато и в долинах и густые леса на горных склонах — все составляло резкий контраст с недавно покинутой пустыней. Здесь в изобилии водились разнообразные звери и птицы, так что коллекции экспедиции быстро пополнялись. Однако сохранить коллекции было очень трудно из-за большой сырости.

Испытав многочисленные приключения, караван достиг кумирни Чейбсен, где путешественники смогли разобрать и просушить собранные коллекции. Неделя ушла на подготовку к дальнейшим исследованиям. Изучив окружающие горы, отряд Пржевальского 23 сентября двинулся к озеру Кукунор. Обследовав горы в бассейне верхнего течения реки Тэтунггол (Датунхэ), путешественники 12 октября вышли на Кукунорскую равнину, а через день разбили палатку на берегу озера Кукунор.

«Мечта моей жизни исполнилась,— писал Пржевальский.— Заветная цель экспедиции была достигнута. То, о чем недавно еще только мечталось, теперь превратилось уже в осуществленный факт. Правда, такой успех был куплен ценой многих тяжких испытаний, но теперь все пережитые невзгоды были забыты, и в полном восторге стоя-

ли мы с товарищем на берегу великого озера, любясь на его чудные, темно-голубые волны...»¹

Озеро Кукунор, к которому так стремился Пржевальский,— самое большое бессточное озеро Центральной Азии. По современным данным, его длина — 105 км, а ширина — до 65 км. Площадь его около 4,2 тыс. кв. км, наибольшая глубина — 38 м. В озеро впадают 23 реки. Расположено оно на высоте 3205 м; занимает центральную часть Кукунорской равнины, лежащей между горами Циншилин на северо-востоке и Кукунор на юго-западе, в пределах горной системы Наньшань.

В сравнительно узком пространстве между горами расстилаются горные степи. Весь ландшафт резко отличался от ганьсуйского. Постоянные дожди и снега сменились ясной осенней погодой. Изменился растительный и животный мир. В степях близ Кукунора встретились новые виды птиц и млекопитающих, свойственные уже тибетским пустыням.

Самым замечательным животным кукунорских степей Пржевальский считал кианга. Это географическая форма (подвид) кулана, некогда широко распространенного в пустынях и полупустынях Передней, Средней и Центральной Азии. Животное это совмещает в себе внешние черты лошади и осла. В отличие от кулана кианг несколько выше (в холке около 140 см), спина и бока у него не песчаного цвета, а коричневатые, нижняя часть светлая; обитает в степях и полупустынях Тибетского нагорья. По кручам и ущельям кианги лазают не хуже диких коз. Численность их, как и куланов быстро сокращается. Местное население

¹ Пржевальский Н. М. Монголия и страна тангутов, с. 220.

охотится за ними ради мяса и кожи. (В описаниях путешествий Пржевальский называет киангов по-монгольски хуланами.)

Около двух недель изучал Пржевальский озеро Кукунор и его окрестности. Перевалив через Кукунорский хребет, экспедиция спустилась в восточную часть обширной котловины Цайдам. Цайдамская котловина, обрамленная с севера и юга цепями хребтов Куньлуня, лежит на высоте 2700—3000 м. Ландшафт котловины пустынный, напоминающий пустыню Алашань. Много солончаков, бессточных озер и болот. Климат в Цайдаме теплее, чем на Кукунорской равнине, поскольку высота здесь меньше.

Живут здесь, как и на Кукунорской равнине, монголы и тангуты. Монголы называют тангутами всех тибетцев. Пржевальский применил этот этнографический термин для обозначения тибетских племен Северо-Восточного Тибета, Кукунора и Ганьсу. Внешне тангуты резко отличаются и от китайцев, и от монголов и, по мнению Пржевальского, больше всего напоминают цыган.

Во второй половине ноября, наняв проводника в Лхасу, экспедиция тронулась на юго-запад, через соляные болота Цайдама к хребту Бурхан-Будда (один из хребтов системы Куньлуня).

Хребет Бурхан-Будда резко возвышается над равнинами Цайдама, отделяя их от высоких плато и нагорий Тибета. Из-за большой сухости климата хребет, несмотря на большую абсолютную высоту (4500—5000 м), не имеет вечных снегов, каменист, бесплоден.

Перевалив через хребет в конце ноября (по старому стилю), путешественники тронулись через суровое Тибетское нагорье к верховьям великой китайской реки Янцзы. Два с половиной месяца —

с 23 ноября (5 декабря) 1872 по 10(22) февраля 1873 г., — проведенные экспедицией Пржевальского в Северном Тибете, были одним из самых трудных периодов всего путешествия.

«Глубокая зима, — писал Николай Михайлович, — с сильными морозами и бурями, полное лишение всего, даже самого необходимого, наконец, различные другие трудности — все это, день в день, изнуряло наши силы. Жизнь наша была в полном смысле «борьбой за существование», и только сознание научной важности предпринятого дела давало нам энергию и силы для успешного выполнения своей задачи.

...Сидеть на лошади невозможно от холода, идти пешком также тяжело, тем более неся на себе ружье, сумку и патронташ, что все вместе составляет вьюк около 20 фунтов (8 кг). На высоком же нагорье, в разреженном воздухе каждый лишний фунт тяжести убавляет немало сил; малейший подъем кажется очень трудным, чувствуется одышка, сердце очень сильно бьется, руки и ноги трясутся; по временам начинается головокружение и рвота.

Ко всему этому следует прибавить, что наше теплое одеяние за два года предшествовавших странствий так изнашивалось, что все было покрыто заплатами и не могло достаточно защищать от холода. Но лучшего взять было нигде, и мы волею-неволей должны были довольствоваться дырявыми полушубками или кухлянками и такими же теплыми панталонами; сапог не стало вовсе, так что мы подшивали к старым голенищам куски шкуры с убитых яков и щеголяли в подобных ботинках в самые сильные морозы»¹.

¹ Пржевальский Н. М. Монголия и страна тангутов. с. 269—270.

Лишения искупались обилием важных географических наблюдений. Рельеф местности, климат, почвы, растительность — все было предметом изучения в этой глубинной части Азии. Поразило путешественников множество животных, особенно млекопитающих. Наиболее характерными и многочисленными животными тибетских гор были громадные дикие яки, красавцы бараны — бело грудые аргали, куку-яманы, антилопы оронго и ада, кианги, тибетские волки.

Среди парнокопытных семейства полорогих (к которому относятся и яки, и бараны, и антилопы) особенно интересен куку-яман, или нахур, совмещающий в себе признаки и козла, и барана. Животное достигает в холке 90 см, весит до 73 кг. У самцов изогнутые, широко расходящиеся в стороны рога длиной до 80 см, у самки рога невелики.

У антилоп, как известно, рога имеют только самцы. Очень красив и грациозен оронго. Он больше дзерена, весит 40—50 кг. Черные тонкие рога длиной 50—70 см слабо изогнуты и почти вертикальны. Другую характерную для Тибета антилопу монголы называют ада-дзерен, то есть «малютка-дзерен». Она весит не более 16 кг. Рога у самцов довольно большие, слегка изогнутые, немного откинутае назад. В отличие от смелого оронго ада очень пуглива, поэтому охотиться за ней гораздо труднее. К тому же это самая быстрая из всех антилоп, обитающих в Монголии и Северном Тибете.

Обилие мясной пищи позволяло легче переносить холода, но морозы, частые бури и сильная разреженность воздуха очень затрудняли охоту, а нередко делали и вовсе невозможной. Все же за время пребывания в Тибете путешественники убили 76 крупных животных, в том числе 32 яка. Много шкур было добыто для зоологических коллекций.

На холодном Тибетском нагорье экспедиция встретила Новый 1873 год. Пржевальский писал в своем дневнике: «Еще ни разу в жизни не приходилось мне встречать новый год в такой абсолютной пустыне, как та, в которой мы ныне находимся. И как бы в гармонию ко всей обстановке у нас не осталось решительно никаких запасов, кроме поганой дзамбы и небольшого количества муки. Лишения страшные, но их необходимо переносить во имя великой цели экспедиции»¹.

В начале нового года путешественники продолжили свой путь на юго-запад. Перевалив через относительно невысокий хребет Баян-Хара-Ула, экспедиция 10 января достигла верховьев реки Янцзы, или Голубой. Это был предел странствий. Хотя до столицы Тибета — Лхасы оставалось всего 850 км, от похода туда пришлось отказаться. Трудный путь истомил верблюдов, часть их пала, новых же купить было не на что. Стремясь сохранить уже добытое, экспедиция повернула обратно.

В первой декаде февраля экспедиция завершила свои исследования в Северном Тибете и возвратилась в Цайдам. Здесь уже наступила весна. И хотя в середине февраля ночью бывали морозы до -20° , днем температура поднималась до $+13^{\circ}$, лед везде таял. Появились первые пролетные птицы.

В начале марта путешественники пришли на берега Кукунора. Здесь решили задержаться, чтобы наблюдать пролет птиц. Но перелетных птиц оказалось очень мало. Поэтому 1 апреля Пржевальский покинул озеро и направился уже известным путем в кумирню Чейбсен, куда прибыл через две

¹ Д у б р о в и н Н. Ф. Николай Михайлович Пржевальский. Спб., 1890, с. 167.

недели. Почти полтора месяца Николай Михайлович посвятил изучению природы горных районов Ганьсу. Здесь также были собраны богатые зоологические и ботанические коллекции, проведены климатические наблюдения.

В конце мая экспедиция покинула Ганьсу и вышла к Алашаньской пустыне. Прежде чем направиться из Динъюаньина в Ургу, провели три недели в Алашаньских горах, изучив более тщательно, чем в первое посещение, их фауну и флору. Однажды в одном из ущелий путешественников застал ливень. Водный поток чуть не унес коллекции — труды всей экспедиции. «Казалось бы, что в безводных Алашаньских горах нам всего менее предстояло опасности от воды,— писал Пржевальский,— но видно судьба хотела, чтобы мы вконец испытали все невзгоды, которые могут в здешних странах грянуть над головой путешественника,— и неожиданно-негаданно в наших горах явилось такое наводнение, какого до сих пор мы еще не видали ни разу»¹. Только по счастливой случайности горный поток не дошел до палатки путешественников.

Вышли в путь на Ургу, наняв двух проводников. Решено было пойти новым путем — пересечь пустыню Гоби в ее средней части, где до них еще не был ни один европеец. Путь оказался очень тяжелым, особенно в южной части Гоби — Алашаньской пустыне. Здесь были сильные ветры, безводность, жара. Днем в июле температура в тени доходила до 45°. На шестой день пути путешественники чуть не погибли в песках из-за отсутствия воды. Проводник не нашел двух колодцев, которые якобы должны были встретиться на

¹ Пржевальский Н. М. Монголия и страна тангутов. с. 294.

пути. По страшной жаре шли непрерывно 9 часов подряд, преодолев 36 км, пока набрали на очередной колодець. Спутник и друг путешественников — пес Фауст погиб, не выдержав жары и жажды.

На преодоление пустыни ушло 44 дня. Несмотря на все трудности, в пути непрерывно велись маршрутная съемка местности, климатические наблюдения, пополнялись гербарий и зоологические коллекции.

5 сентября экспедиция наконец достигла Урги, где была радушно встречена сотрудниками русского консульства. Придя в себя, отдохнув с неделю, путешественники выехали в Кяхту, куда прибыли 19 сентября (1 октября) 1873 г.

«Путешествие наше окончилось,— писал Пржевальский.— Его успех превзошел даже те надежды, которые мы имели, переступая в первый раз границу Монголии. Тогда впереди нас лежало непредугадываемое будущее; теперь же, мысленно пробегая все пережитое прошлое, все невзгоды трудного странствования, мы невольно удивлялись тому счастью, которое везде сопутствовало нам. Будучи бедны материальными средствами, мы только рядом постоянных удач обеспечивали успех своего дела. Много раз оно висело на волоске, но счастливая судьба выручала нас и дала возможность совершить посильное исследование наименее известных и наиболее недоступных стран Внутренней Азии»¹. За три года, а точнее, с 17(29) ноября 1870 по 19 сентября (1 октября) 1873 г. экспедиция прошла 11 100 верст (около 12 тыс. км), причем почти половина пути была снята гла-

¹ Пржевальский Н. М. Монголия и страна тангутов, с. 304.

зомерной съемкой; астрономически было определено 18 пунктов; во многих пунктах определена абсолютная высота местности, в том числе впервые высота Тибетского нагорья; на карту были нанесены пространства Центральной Азии — от Северной Монголии до верховьев Янцзы. Большую ценность представляют метеорологические наблюдения; велись они регулярно, четыре раза в день. Было выполнено множество географических, зоологических и этнографических наблюдений. В зоологической коллекции, собранной путешественниками, насчитывалось 238 видов птиц (около 1 тыс. экз.), 42 вида млекопитающих (130 шкур), около десятка видов пресмыкающихся (70 экз.), 11 видов рыб и более 3 тыс. экземпляров насекомых. Ботаническая коллекция насчитывала до 600 видов растений (4 тыс. экз.). Была собрана коллекция горных пород. Исключительный интерес представляли сведения о жизни народов, населявших исследованную территорию. Обработка только самых основных результатов экспедиции заняла около полутора лет.

И совершен весь этот огромный труд Н. М. Пржевальским всего с одним помощником и двумя сопровождавшими их казаками. Исследовать такую огромную территорию такими малыми силами, с очень скудными средствами — это значит совершить подвиг.

Результаты своей самой длительной экспедиции Пржевальский подытожил в капитальном труде «Монголия и страна тангутов». Весь труд должен был состоять из трех томов. Но свет увидели только две книги. Первая содержала описание хода путешествия, данные о наблюдении над природой, этнографические очерки. Написана книга была не в виде сухого отчета или обычного дневника экс-

педиции, а как живой рассказ о путешествии, в который органично вошли материалы важнейших научных наблюдений и открытий.

Во втором томе были опубликованы научно обработанные материалы по климатологии, статьи о птицах, рыбах, пресмыкающихся и земноводных (о млекопитающих довольно подробно было рассказано в первом томе). Третий, не вышедший том должен был содержать описание растительности Центральной Азии.

Сразу после выхода первого тома «Монголии и страны тангутов» о Пржевальском заговорили в научном мире не только в России, но и во многих зарубежжных странах. Книга, получившая высокую оценку современников, была целиком переведена в Германии, Франции, Англии. Отрывки из нее печатались во всех географических журналах Европы.

Вторую жизнь книга получила через 70 лет, в советское время. Ее переиздали в 1946 г.

Научный редактор второго издания доктор географических наук Э. М. Мурзаев писал: «Книга эта явилась эпохой в географии. Новизна материала, умелое, полное фактами изложение, искренность и теплота письма сразу привлекают к «Монголии и стране тангутов» симпатии читателей. Книга буквально полна открытий, каждая глава рассказывает о чем-то новом. Именно благодаря этому сочинению Пржевальский делается хорошо известным и за границей как путешественник и великий географ—исследователь Центральной Азии»¹.

Э. М. Мурзаев отмечает энциклопедичность знаний Пржевальского, непреходящую ценность кни-

¹ Пржевальский Н. М. Монголия и страна тангутов, с. 5.

ги как документа, на который ссылались и еще будут ссылаться ученые. «Можно без преувеличения сказать,— пишет Мурзаев,— что из всех работ Пржевальского, посвященных Центральной Азии, «Монголия и страна тангутов» занимает особое место. Это лучшее произведение автора... Что делает книгу совершенно особенной — это тот захватывающий интерес, с которым читается книга с первой страницы до последней, причем такое изложение материала несколько не умаляет ее научных достоинств. Книга говорит о большом таланте ее автора, писателя большой руки, благодаря чему она интересна всем, а не только специалистам-географам или натуралистам»¹.

¹ Пржевальский Н. М. Монголия и страна тангутов, с. 5.

МЕЖДУ ДВУМА ЦЕНТРАЛЬНО- АЗИАТСКИМИ ЭКСПЕДИЦИЯМИ

Начав с уссурийского путешествия, Н. М. Пржевальский до конца своих дней продолжал экспедиционную деятельность. В перерывах между экспедициями он писал отчеты о проделанном путешествии, причем, как правило, это были отлично написанные книги, разрабатывал план следующего путешествия, подбирал помощников, добывался средств для осуществления экспедиции и закупал необходимое снаряжение.

Если после уссурийского путешествия Н. М. Пржевальскому понадобился всего год, чтобы написать и издать книгу и подготовиться к походу в Центральную Азию, то по завершении первой центральноазиатской экспедиции и до начала следующей прошло почти три года.

Столь длительный перерыв между экспедициями объясняется обилием привезенного из монгольского путешествия научного материала, непосредственным участием Пржевальского в его обработке (в частности, им были определены все орнитологические сборы), а также необходимостью восстановить силы после полного трудностей и лишений путешествия.

По окончании первой экспедиции в Центральную

Азию Пржевальский не смог сразу поехать на родину, куда так стремился. Прибыв из Кяхты в Иркутск 9 октября 1873 г., он вынужден был отдохнуть здесь и тронуться в дальнейший путь лишь в конце ноября, с установлением санного пути. В Иркутске Николай Михайлович каждую неделю читал лекции, составил подробный план книги «Монголия и страна тангутов».

Лишь в конце декабря Пржевальский добрался до своего любимого «Отрадного». Однако побывать дома удалось всего неделю — надо было ехать в столицу, доложить о результатах экспедиции.

Петербург встретил Пржевальского как героя, как одного из самых славных сыновей Отчизны. Первые дни пребывания в столице были сплошным торжеством. 4(16) января 1874 г. товарищи по Генеральному штабу дали в его честь обед. За этим обедом последовала целая череда других. Газеты сообщили о его приезде в Петербург, подробно освещали его пребывание в городе.

8 февраля Пржевальский на торжественном заседании Географического общества прочитал свою первую лекцию о путешествии в Центральную Азию. Закончилось чтение под гром аплодисментов. Газеты поместили самые восторженные отзывы.

В марте Н. М. Пржевальскому было присвоено звание подполковника и пожалована пожизненная пенсия в 600 руб. в год (кроме офицерского жалованья). Подпоручик М. А. Пыльцов был произведен в поручики, и ему также была пожалована пенсия.

Привезенная Пржевальским зоологическая коллекция после двухмесячной демонстрации была приобретена для музея Академии наук.

Пржевальский был очень рад, что коллекция попала в хорошие руки и будет надежно сохранена.

Доклады, лекции, многочисленные приемы — вся столичная суета затрудняли составление научного отчета об экспедиции. Правда, за четыре месяца удалось обработать дневники.

В деревне, куда Пржевальский вернулся в начале мая, дело пошло успешнее. К середине июля было написано уже шесть глав.

Пржевальский очень любил «Отрадное». Здесь, в тишине смоленских лесов, ему хорошо работалось. Работу он разумно чередовал с отдыхом — прогулками по лесам и лугам, охотой. Без общения с природой он не мыслил себе жизни.

В мае товарищ Пржевальского по монгольскому путешествию М. А. Пыльцов женился на сводной сестре Николая Михайловича — Александре Ивановне Толпыго. У Пржевальского к радости примешивалась и горькая мысль, что он теряет верного помощника в экспедициях.

По делам издания рукописи Николай Михайлович выехал в середине сентября в Петербург. Жил Пржевальский в Петербурге всегда в меблированных комнатах, снимая не более двух. Стараясь избежать встреч и многочисленных приглашений, он иногда сутками не выходил из квартиры, прося принести ему еду из ближайшего ресторана.

В последние месяцы 1874 г. Николай Михайлович работал над книгой по 10 часов в сутки. Благодаря напряженному труду удалось выпустить первый том книги «Монголия и страна тангутов» к началу 1875 г., к годовому собранию Географического общества.

Географическое общество присудило Н. М. Пржевальскому высшую награду — золотую Константи-

новскую медаль «за его трехлетнее путешествие в Монголию, Китай и Северный Тибет, представляющее истинный географический подвиг как по тем условиям, с которыми сопряжено путешествие в эти страны, так и по важности сделанных Н. М. Пржевальским географических открытий и обилию научных исследований, отчасти уже разработанных в изданиях Общества в первом томе путешествия под заглавием «Монголия и страна тангутов»» (из «Отчета Географического общества» за 1874 г.).

Помощник Пржевальского — М. А. Пыльцов был награжден малой золотой медалью, а казаки — бронзовыми медалями. Вручение наград состоялось 8 января 1875 г. в торжественной обстановке на годовом собрании Географического общества.

Популярность Пржевальского после первого центральноазиатского путешествия росла не только на родине, но и за ее пределами. В октябре 1874 г. Берлинское географическое общество избрало его своим членом-корреспондентом. В августе 1875 г. Международный географический конгресс в Париже наградил Н. М. Пржевальского почетной грамотой, а французское министерство народного просвещения избрало его своим сотрудником и пожаловало орден «*Palme d'Academie*» («Пальма академии»). Орден этот с изображением двух золотых ветвей — пальмовой и лавровой — давался за большие научные заслуги. К Пржевальскому пришла мировая слава.

Прежде чем обращаться в Географическое общество с предложением об организации новой экспедиции, необходимо было закончить отчет о совершенной. Пржевальский всю жизнь неуклонно придерживался правила: отправляться в новое

путешествие только после полного завершения всех дел по предыдущему.

И теперь, после выхода в свет первого тома «Монголия и страна тангутов», следовало садиться за подготовку второго тома. В нем Пржевальский кроме обработки материалов по климату взял на себя очень трудоемкий орнитологический раздел. Надо было определить почти тысячу образцов птиц. Пришлось энергичному путешественнику на долгие месяцы стать кабинетным ученым.

Несмотря на то что над вторым томом трудился целый коллектив привлеченных Пржевальским крупнейших ученых (раздел «Пресмыкающиеся и земноводные» обрабатывал академик А. Штраух, а раздел «Рыбы» — профессор К. Кесслер), работа над ним завершилась лишь весной 1876 г. — настолько был велик объем научного материала, доставленного экспедицией.

Еще при работе над первым томом у Н. М. Пржевальского созрел замысел нового путешествия. На этот раз он решил пересечь Центральную Азию в ее западной части: через Кашгарию пройти к озеру Лобнор, о котором европейцы знали лишь по рассказу Марко Поло, путешествовавшего в XIII в., затем достигнуть Лхасы и выйти на берег реки Брахмапутры.

Самым трудным делом было подобрать помощников. М. А. Пыльцов после женитьбы собирался подать в отставку и принять участие в экспедиции не мог. Пржевальский надеялся привлечь к исследованию Центральной Азии своего спутника по уссурийскому путешествию Ягунова, но, к великому горю Николая Михайловича, он утонул, купаясь в Висле.

Желающих отправиться с Пржевальским было много. Но Николай Михайлович предъявлял очень

высокие требования к участникам путешествия и отвергал одну кандидатуру за другой. Он сам разъяснял эти требования желающим с ним путешествовать и даже просил своего друга И. Л. Фатеева и зятя М. А. Пыльцова втолковать претендентам, что нельзя смотреть на путешествие, как на средство отличиться и попасть в знаменитости. «Человек бедный,— писал Пржевальский,— свикшийся с нуждою, и притом страстный охотник был бы всего более подходящим спутником и скорее мог понять, что путешествие не легкая и приятная прогулка, а долгий, непрерывный и тяжелый труд, предпринятый во имя великой цели. Желательно бы было, чтобы юноша поехал по увлечению, а не из-за денег. Особенной грамотности и дворянской породы от юноши не требуется»¹.

Наконец Николай Михайлович остановил свой выбор на 18-летнем Федоре Леонтьевиче Эклоне, сыне одного из служащих Академии наук. Он пригласил юношу на лето 1875 г. в «Отрадное» и обучал всему, что может понадобиться в экспедиции. В октябре Эклон выдержал экзамен и поступил в Самогинский полк.

Вторым помощником Пржевальский решил взять сына соседки по имению прапорщика Звенигородского полка Евграфа Повало-Швейковско-го, которого знал с самого детства. Правда, этот юноша не был охотником и не имел нужных познаний, но Пржевальский надеялся, что он быстро всему научится. Взял он его, собственно, за хороший характер, крепкое здоровье и личную преданность.

Спутники Пржевальского по монгольскому путешествию — забайкальские казаки Иринчинов и Че-

¹ Дубровин Н. Ф. Николай Михайлович Пржевальский. с. 198.

баев — прислали письмо с просьбой взять их с собой снова. Таким образом, основной состав экспедиции был определен.

14 января 1876 г. Пржевальский представил в Географическое общество заявку на новое путешествие с расчетом его стоимости. 31 января Совет Общества единодушно одобрил предложение Николая Михайловича и поручил вице-председателю Общества П. П. Семенову выхлопотать у государственного казначейства необходимые для экспедиции 24 740 руб.

Первые месяцы 1876 г. Пржевальский провел в Петербурге, заканчивая рукопись и вместе с Эклоном и Повало-Швуйковским снаряжаясь в экспедицию. В конце апреля работа над вторым томом «Монголии и страны тангутов» была окончена, и Николай Михайлович смог выбраться в деревню попрощаться с родными.

Проведя две недели в «Отрадном», Пржевальский в конце мая выехал с помощниками по железной дороге в Пермь, а оттуда на почтовых лошадях в Кульджу — начальный пункт экспедиции. По пути, в Семипалатинске, к ним присоединились Иринчинов и Чебаев. Кроме того, из Верного были откомандированы к Пржевальскому еще три казака. В конце июля все участники экспедиции прибыли в Кульджу.

ПРЕРВАННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Окончательная подготовка к экспедиции заняла около трех недель. 12(24) августа, напутствуемый соотечественниками,

Пржевальский во главе своего отряда выступил из Кульджи в новое путешествие. В состав отряда вошли кроме уже перечисленных членов еще два переводчика. Караван состоял из 24 верблюдов и 4 лошадей.

На первом этапе экспедиции решено было пересечь Восточный Тянь-Шань, достичь озера Лобнор и исследовать его, затем вернуться в Кульджу, сдать собранные коллекции и, забрав оставшиеся запасы, направиться в Тибет.

В горы Восточного Тянь-Шаня экспедиция направилась сначала по широкой, густо заселенной долине реки Или, а затем вверх по Кунгесу — правому истоку Или. Уже в лесах нижнего Кунгеса встретилось довольно много зверей. Удалось добыть темно-бурого тянь-шаньского медведя, отличающегося длинными белыми когтями на передних лапах. Поразило путешественников в лесах Кунгеса обилие диких фруктовых деревьев — яблонь и абрикосов.

Из долины Кунгеса поднялись в долину реки

Цанма, по берегам которой уже тянулись еловые леса. Перевалив через хребет Нарат, экспедиция вышла на плато Юлдус. Это плато, а точнее, межгорная обширная котловина — обетованная страна для скотоводов. Здесь всюду превосходные пастбища, к тому же нет мошек и комаров. На Юлдусе путешественники провели около трех недель, занимаясь преимущественно охотой.

Ко времени прихода на Юлдус Пржевальский окончательно убедился в полной непригодности одного из помощников к путешествию. Повало-Швыковский так и не научился ни стрелять, ни делать чучела, ни вести съемку местности. Пришлось отослать его обратно. Пржевальский опять остался с одним помощником, к счастью, энергичным и усердным.

Преодолев южные отроги Тянь-Шаня, экспедиция вступила в Восточный Туркестан, на земли недавно возникшего мусульманского государства, возглавляемого ханом Якуб-беком. Восточный Туркестан, или Кашгария, представляет собой равнину. Большая часть ее занята пустыней Такла-Макан, окаймленной горными системами Тянь-Шаня, Памира, Куньлуня. Это, собственно, огромная котловина на высоте от 780 м (на востоке) до 1500 м (на западе).

Кашгарский хан Якуб-бек вопреки заверениям в гостеприимстве, крайне настороженно встретил экспедицию. Путешественникам было разрешено остановиться в окрестностях города Курля (Корла), причем караул не подпускал к ним никого из местных жителей.

Через две недели было получено разрешение двигаться дальше. 4 ноября экспедиция выступила из г. Курля к Тариму и Лобнору. Путешественников сопровождал конвой под командой Заман-бека,

бывшего русского подданного. Конвой сильно осложнял работу, не давал возможности общаться с местным населением. Надеясь заставить русских отказаться от дальнейшего путешествия, конвой вел караван к реке Тарим самым трудным путем, с переправами вплавь в мороз через реки Кончедарья и Инчикедарья.

Преодолев от Курли около 90 км, экспедиция вышла к Тариму в месте впадения в него Угендарьи. Пройдя 200 км вниз по Тариму, путешественники 9 декабря переправились через реку на плоту. От переправы Айрылган до Лобнора было уже недалеко. Однако конвойные обманули Пржевальского, сказав ему, что прямого пути на Лобнор нет, и уговорили пойти на юг, в деревню Чархалык (Чарклык), где удобно зимовать.

Оставив в Чархалыке караван с собранными материалами, трех казаков и конвой, Пржевальский с остальными тремя казаками и Эклоном выехал 26 декабря к лежащим поблизости горам Алтынтаг.

«Хребет этот, — пишет Пржевальский, — начинает виднеться еще с переправы Айрылган, т. е. верст за полтораста, сначала узкой, неясной полосой, чуть заметной на горизонте. После утомительного однообразия долины Тарима и прилегающей к нему пустыни путник с отрадой смотрит на горный кряж, который с каждым переходом делается все более и более ясным... Когда мы пришли в деревню Чархалык, то Алтынтаг явился перед нами громадной стеной, которая далее к юго-западу высилась еще более и переходила за пределы вечного снега»¹.

По уверению местных жителей, в горах Алтынтаг и в пустынях к востоку от Лобнора водились

¹ Пржевальский Н. М. От Кульджи за Тянь-Шань и на Лобнор. М., 1947, с. 59.

дикие верблюды. Путешественники отправились за ними на охоту. Однако, пройдя более 530 км вдоль гор и в самих горах, они за сорок дней встретили всего одного дикого верблюда, да и того, к сожалению, добыть не удалось. Зато Пржевальский обследовал северный склон этого неизвестного науке хребта на протяжении 300 км к востоку от Чархалыка, сделал топографическую съемку местности и астрономические определения пунктов. Удалось установить, что этот огромный хребет (длиной около 800 км, по позднейшим исследованиям, и высотой до 6161 м), а точнее, горная цепь, является северной окраиной Тибетского нагорья. Алтынтаг круто обрывается к Кашгарской равнине и более полого, по рассказам проводников, снижается на юг, к Цайдамской впадине. Из-за недостатка времени и сильных морозов Пржевальскому на этот раз не удалось пересечь Алтынтаг. Это он сделал ровно через восемь лет, во время своего четвертого центральноазиатского путешествия.

Но уже в январе 1877 г. в результате исследования было установлено, что граница Тибета расположена на 300 км севернее, чем ее изображали ранее.

Здесь, в горах, Пржевальский встретил Новый 1877 год. Через две недели он записал в дневнике:

«15 января. Сегодня исполнилось десятилетие моей страннической жизни. 15 января 1867 г., в этот самый день, в 7 часов вечера, уезжал я из Варшавы на Амур. С беззаветной решимостью бросил я тогда свою хорошую обстановку и менял ее на туманную будущность. Что-то неведомое тянуло вдаль на труды и опасности. Задача славная была впереди; обеспеченная, но обыденная жизнь не удовлетворяла жажде деятельности. Молодая кровь была горячо, свежие силы жаждали работы. Много

воды утекло с тех пор, и то, к чему я так горячо стремился,— исполнилось. Я сделался путешественником, хотя, конечно, не без борьбы и трудов, унесших много сил...»¹

5 февраля Пржевальский со спутниками вернулся в Чархалык. Они сразу же выступили на Лобнор, чтобы наблюдать там весенний перелет птиц, и почти весь февраль и две трети марта экспедиция провела на берегу Лобнора.

Во время перелета на этом озере собираются миллионы плавающих птиц, особенно уток. Основной перелет пришелся на 8—22 февраля, а к 12 марта он в основном закончился. Пржевальский отмечает, что ранний весенний пролет был очень богат по массе птиц, но беден по количеству видов — их он насчитал 27. Господствовала же утка шилохвость.

На Лобноре Пржевальский занимался не только орнитологическими наблюдениями. Начальник конвоя Заман-бек привык к членам экспедиции и стал предоставлять им больше свободы в передвижениях. Воспользовавшись этим, Николай Михайлович знакомится с жизнью местного населения — каракурчинцев, а главное, производит глазомерную съемку низовьев Тарима и самого озера Лобнор — этого редкого феномена природы.

Лобнор — огромное бессточное озеро-болото в восточной части Таримской впадины. Сообщение Пржевальского об определении положения Лобнора и описание озера вызвали в научном мире длительную и оживленную полемику. Известный немецкий геолог и географ Фердинанд Рихтгофен, исследователь и знаток Китая, высоко оценив труды Пржевальского по изучению Центральной Азии,

¹ Пржевальский Н. М. От Кульджи за Тянь-Шань и на Лобнор, с. 63.

отметил, однако, что под именем Лобнора Пржевальский описал, видимо, другое озеро, так как по китайским картографическим материалам Лобнор должен быть значительно севернее.

Для решения вопроса о местоположении Лобнора в конце XIX и начале XX в. предпринимался ряд экспедиций. В результате исследований выяснилось, что Лобнор — одно из «блуждающих озер» Центральной Азии, положение которого определяется в основном миграцией главного русла Кончедарьи.

В своих утверждениях правы оказались оба — и Пржевальский, и Рихтгофен. В средние века Лобнор находился там, где его указывали старинные китайские источники. Во время путешествий Пржевальского он оказался значительно южнее, а древнее озеро Лобнор исчезло. В 1923 г. вновь произошло резкое изменение гидрографии в Таримской впадине. Кончедарья вернулась в старое сухое русло. Северо-восточнее Лобнора, открытого Пржевальским, возродился Лобнор китайских карт. Расположенный же в 100—150 км Лобнор Пржевальского превратился в обширные солончаки и тростниковые болота. Остатками его является озеро Кара-Кошун, куда впадает река Черчен, а в многоводные годы и Тарим.

Как пишет Э. М. Мурзаев, на примере рек Кончедарья и Тарима «и оз. Лобнор перед нами любопытнейший случай жизни рек, их бесконечной борьбы друг с другом, ведущей к перехватам воды, изменению гидрографической сети и даже местоположения конечных бассейнов»¹.

Пребывание на озере Лобнор ознаменовалось наконец и приобретением очень ценных трофе-

¹ Мурзаев Э. М. Природа Синьцзяна и формирование пустынь Центральной Азии. М., 1966, с. 189.

ев — шкур и черепов диких верблюдов. До путешествия Пржевальского в литературе встречались сообщения путешественников, что в пустынях Центральной Азии водится двугорбый дикий верблюд, но доказательств этому не было. 10 марта к Николаю Михайловичу вернулись охотники, отправленные им еще в конце января на поиски дикого верблюда. Они привезли шкуры и черепа трех верблюдов, добытых на окраине пустыни Кумтаг, к востоку от Лобнора. Через несколько дней Пржевальский приобрел еще одну шкуру самца дикого верблюда, убитого на нижнем Тариме.

Николай Михайлович подробно расспрашивал жителей о местах обитания и образе жизни дикого верблюда и на основании их рассказов дал подробную характеристику этого животного. В частности, по словам Пржевальского, в отличие от домашнего верблюда, «у которого трусость, глупость и апатия составляют преобладающие черты характера, дикий его собрат отличается сметливостью и превосходно развитыми внешними чувствами. Зрение у описываемого животного чрезвычайно острое, слух весьма тонкий, а обоняние развито до удивительного совершенства». Бегают дикий верблюд очень быстро и почти всегда рысью.

Удивительно, что такое, казалось бы неуклюжее, животное довольно ловко лазает по горам, причем по таким склонам, по которым трудно взобраться и охотнику.

Со времен Пржевальского еще более сократилась область обитания диких верблюдов, а новых материалов о них появилось очень немного. Так что данные экспедиции Пржевальского до сих пор представляют большой научный интерес.

Не решен окончательно и поставленный еще Пржевальским вопрос: являются ли современные

дикие верблюды прямыми потомками диких родичей или это домашние верблюды, ушедшие в пустыню, одичавшие и размножившиеся на воле и приобретшие ряд признаков, отличающих их от домашних животных? Н. М. Пржевальский пришел в свое время к выводу, что «нынешние дикие верблюды — прямые потомки диких родичей, но что по временам к ним, вероятно, примешивались и ушедшие домашние экземпляры»¹.

Сделав астрономические определения опорных пунктов и топографическую съемку озера Лобнор, Пржевальский со спутниками отправился обратно в город Курля, куда прибыл 25 апреля. Путешественников опять поместили в том же доме и опять с соглядатаями. Надо было скорее возвращаться в Кульджу, доставить туда коллекции и топографические материалы.

После свидания с Якуб-беком и поднесения ему и его приближенным подарков путешественники получили четыре лошади и десять верблюдов. Однако верблюды были настолько плохи, что через два дня после выхода из Курли (30 апреля) пали. В караване осталось 10 верблюдов и 6 лошадей. Пришлось сжечь лишние вещи, завьючить всех лошадей, а самим идти по плато Юлдус. До подножия Тянь-Шаньских гор экспедицию сопровождали человек двадцать.

С Юлдуса Пржевальский послал казака и переводчика в Кульджу за помощью. Через три недели прибыли новые вьючные животные и продовольствие, в котором особенно нуждались путешественники.

3 июля экспедиция возвратилась в Кульджу.

¹ Пржевальский Н. М. От Кульджи за Тянь-Шань и на Лобнор, с. 65.

Здесь Николай Михайлович узнал, что в конце марта его произвели в полковники.

Почти два месяца пробыли путешественники в Кульдже — отдыхали, разбирали и упаковывали коллекции для отсылки в Петербург. Пржевальский писал отчет. Подписанный 18 августа 1877 г., он был опубликован в «Известиях Географического общества» по возвращении Пржевальского в Петербург.

Несмотря на начавшуюся еще в июне болезнь, Пржевальский не оставляет намерения отправиться в Тибет.

Во время пребывания в Кульдже Н. М. Пржевальский узнал о смерти Якуб-бека и о том, что Восточный Тибет объят гражданской войной. Путь в Тибет через Кашгарию был закрыт. Николай Михайлович решает идти северо-восточнее: через Джунгарию в Гучэн, затем в Хами и оттуда уже прямо на юг — в Тибет. 28 августа караван выступил из Кульджи. Он состоял из 24 верблюдов и трех лошадей. Кроме Пржевальского и Эклона в состав экспедиции вошли четыре казака и два солдата.

Из Кульджи караван сначала двинулся по большой дороге на север — по Талкинскому ущелью, через хребет Борохоро, к озеру Сайрам-Нур, а от него на северо-восток, к озеру Эби-Нур, крупнейшему на Джунгарской равнине (площадью около 1000 кв. км) и расположенному в самом низком месте Джунгарии, на высоте всего 189 м над уровнем океана.

Караван двинулся дальше, но уже не по большой дороге, а в обход с севера озера Эби-Нур к горам Майлитау и далее на северо-восток до хребта Семистай. Лишь отсюда в середине октября повернули к Гучэну и, с большим трудом преодо-

лев безводные пески Центральной Джунгарии, 4 ноября прибыли в Гучэн.

Путь был необычайно трудным. Безводные переходы случались по 70 и даже по 100 км. В октябре нередко схватывали внезапные морозы, но, главное, Пржевальского мучил страшный зуд тела. Этой болезнью стали страдать и другие участники экспедиции. Причина болезни была, по-видимому, в соленой пыли, висевшей в воздухе и разъедавшей кожу. Сказывалась также и общая усталость организма. В Гучэне Пржевальский испробовал самые различные способы лечения, но безрезультатно.

Решено было повернуть назад, достигнуть Зайсанского поста, чтобы вылечиться в госпитале и с новыми силами идти в Тибет. 27 ноября 1877 г. выступили в обратный путь. Ехать верхом Пржевальский не мог. Ему купили передок от русской телеги и примостили на него сиденье. Тряска была страшная. К тому же усилились холода. Целыми неделями, особенно по ночам, морозы доходили до 40° и более (ртуть в термометре замерзала). Болезнь страшно извела Николая Михайловича. Он стал нервным, все его раздражало.

20 декабря экспедиция прибыла в Зайсан. На этом закончился второй этап путешествия.

Три месяца провел Пржевальский со спутниками в Зайсане. С начала февраля болезнь стала ослабевать, припадки зуда становились реже и слабее. Однако врачи запрещали опять идти в путешествие. Несмотря на запреты врачей, в марте начинается новая подготовка к походу в Тибет.

19 марта 1878 г. экспедиция покидает Зайсан. Пржевальский надеялся, что дорогой, да к тому же весной, исчезнут последние признаки болезни. К сожалению, надежды не сбылись. Уже через несколько дней после выхода из Зайсана зуд кожи

снова стал донимать Пржевальского, самочувствие его резко ухудшилось. Этому способствовало и сообщение брата о смерти матери, Елены Алексеевны, еще в июне прошлого года. Заботясь о его здоровье, родные скрывали эту печальную весть, но, узнав, что он надолго отправляется в Тибет, решили сообщить правду.

Смерть матери потрясла Пржевальского. «Теперь же к ряду всех невзгод, — записывает он в дневнике, — прибавилось еще горе великое. Я любил свою мать всей душой...

Буря жизни, жажда деятельности и заветное стремление к исследованию неведомых стран Внутренней Азии — снова отрывали меня от родного крова. Бросалось многое, даже очень многое, но самой тяжелой минутой всегда было для меня расставание с матерью. Ее слезы и последний поцелуй еще долго жгли мое сердце. Не один раз среди дикой пустыни или дремучих лесов моему воображению рисовался дорогой образ и заставлял уноситься мыслью к родному очагу...

Женщина от природы умная и с сильным характером, моя мать вывела всех нас на прочный путь жизни. Ее советы не покидали меня даже в зрелом возрасте...»¹

Через несколько дней судьба экспедиции решилась. Ввиду осложнения международных отношений русский военный министр дал предписание отложить путешествие в Тибет до более благоприятного времени. Пржевальский решил оставить верблюдов и все снаряжение экспедиции в Зайсанском посту, с тем чтобы весной 1879 г. снова попытаться совершить путешествие в Тибет.

¹ Пржевальский Н. М. От Кульджи за Тянь-Шань и на Лобнор, с. 125.

Пржевальский считал свое второе путешествие в Центральную Азию неудавшимся. С этим утверждением трудно согласиться. Хотя путешествие пришлось прервать, а поход в Тибет отложить, все же результаты экспедиции были очень значительны.

Важнейшими ее достижениями были: нанесение на карту и описание озера Лобнор, исследование горной цепи Алтынтаг и установление северной границы Тибетского нагорья, а также маршрутные съемки низовьев Тарима, озера Лобнор и хребта Алтынтаг.

Были собраны большие ботанические и зоологические коллекции, в том числе шкуры диких верблюдов, впервые вывезенные из Центральной Азии.

Метеорологические наблюдения дали ясное представление о климате Кашгарии.

Большой интерес представляли и сведения о быте и хозяйстве лобнорцев (каракурчинцев) и таримцев.

Опубликование отчета о лобнорском путешествии и выступления Н. М. Пржевальского в Петербурге с докладами вызвали широчайший отклик у научной общественности. Отчет был переведен на немецкий и английский языки, так что результаты лобнорского путешествия стали известны во всем мире.

Сам же Николай Михайлович в первые месяцы по возвращении отдыхал, восстанавливал здоровье. Когда он в конце мая приехал из Зайсана в Петербург, врачи нашли у него общее нервное расстройство и рекомендовали пожить в деревне. Пржевальский и сам стремился скорее попасть в «Отрадное». Для поправки здоровья ему предоставили четырехмесячный отпуск. Он сначала задержался на несколько дней в столице, чтобы устроить свои коллекции. Зоологическую коллекцию он принес в

дар музею Академии наук. За заслуги в обогащении науки академия избрала его почетным членом. Избрал Пржевальского своим почетным членом и Ботанический сад.

В Петербурге Николай Михайлович узнал, что еще в 1876 г. был награжден Парижским географическим обществом золотой медалью за прошлую экспедицию. Особенно большую радость доставило ему присуждение в 1878 г. за Монгольскую и Лобнорскую экспедиции Большой золотой медали им. Гумбольдта, только что учрежденной Берлинским географическим обществом. Ф. Рихтгофен, представляя Пржевальского к награждению, первым подчеркнул, что ни один путешественник не расширил так круг наших познаний о Центральной Азии, как Пржевальский; Рихтгофен назвал его гениальным путешественником, обладающим необыкновенной наблюдательностью.

В начале июня Николай Михайлович наконец вырвался в «Отрадное». Там он по совету врачей ежедневно, несмотря на прохладное лето, купался или обливался холодной водой. Первое время Пржевальский только отдыхал и ходил на охоту. Но во второй половине лета, в непогожие дни все чаще садился за проект новой экспедиции в Тибет. Пржевальскому очень хотелось первому из европейцев достичь Лхасы, куда стремились исследователи разных стран, в первую очередь англичане.

ПЕРВАЯ ТИБЕТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

В августе 1878 г. Пржевальский направил в Географическое общество докладную записку, в которой говорилось о важ-

ности и необходимости экспедиции в Тибет.

Во времена Пржевальского еще никто из исследователей не проникал в центральную часть Тибета и его столицу — Лхасу. Тибет манил и своей природой, и своеобразием населения и государственным устройством. Тибет — величайшее по площади (около 2 млн. кв. км) и высочайшее (средняя высота — 4—5 тыс. м) нагорье мира, отделенное от остальных частей Азии громаднейшими хребтами, точнее, горными системами, достигающими 6—7 тыс. м, а на юге даже 8 тыс. м. Северной границей Тибетского нагорья служит горная система Куньлуня — Наньшаня, западной — Памир и Каракорум, южной — Гималаи, восточной — Сино-Тибетские горы.

Страна эта, населенная тибетцами и лишь номинально тогда подчиненная Китаю, фактически была совершенно обособленной и управлялась правительством далай-ламы — духовным и светским главой страны. Китайские власти посылали в Лхасу своих резидентов (амбаней), которые осуществляли

верховный контроль за деятельностью правительства. Резиденты ревниво оберегали Тибет от посещения иностранцев.

Собираясь в Тибет, Пржевальский отчетливо представлял себе и трудности пути, и дипломатические сложности этого путешествия. Однако, надеясь на свое счастье, он все же решил добиваться разрешения на экспедицию. В Петербурге Николай Михайлович усиленно подыскивает себе второго помощника (первым согласился опять быть Ф. Эклон). Наконец он остановился на товарище Эклона по гимназии, прапорщике Всеволоде Ивановиче Роборовском. Этот 22-летний офицер знал топографическую съемку, умел очень неплохо рисовать и фотографировать, имел отличное здоровье и хороший характер. Выбор оказался на этот раз исключительно удачным. В дальнейшем Роборовский сам стал известным исследователем Центральной Азии.

В декабре было получено разрешение на экспедицию и выделены средства. Завершив сборы, Пржевальский с помощниками выехал 20 января 1879 г. из Петербурга и 27 февраля прибыл в Зайсан.

Глубокий снег задержал выход экспедиции. К тому же, как всегда, в начальном пункте путешествия требовалось время для окончательного формирования состава экспедиции, приобретения вьючных животных, продуктов и т. д. Персонал экспедиции определился в 14 человек, и среди них два ближайших помощника Н. М. Пржевальского — Ф. Л. Эклон и В. И. Роборовский. Первому было поручено препарировать млекопитающих и птиц и заведовать всей зоологической коллекцией; второму — делать зарисовки и собирать гербарий. В экспедицию вошли также вольнонаемный препаратор Андрей Ко-

ломейцев, трое солдат и пять забайкальских казаков (среди них Дондок Иринчинов, бывший с Пржевальским уже в двух путешествиях), переводчик и проводник.

Утром 21 марта (2 апреля) 1879 г. караван из 35 верблюдов и 5 верховых лошадей вышел из Зайсана по направлению к городу Хаами. Началось третье путешествие Пржевальского по Центральной Азии. Как и в конце второго путешествия, но теперь уже в самом начале, ему предстояло пересечь Джунгарскую равнину. Однако на этот раз путь проходил восточнее: из Зайсана к озеру Улунгур (Булунг-Тохой), затем вверх по долине реки Урунгу, а отсюда прямо на города Баркуль (Баркель) и Хаами.

Джунгарская равнина, или просто Джунгария, занимает около 700 тыс. кв. км. Она расположена на северо-западе Китая между Монгольским Алтаем на севере и хребтами Восточного Тянь-Шаня на юге. Средняя высота ее 600—800 м, а окружающих хребтов — 3500—4000 м (и до 5500 м). Большую часть равнины занимают солончаковые и песчаные пустыни, поднимаются невысокие кряжи и сопки.

Пока путешественники следовали долиной реки Урунгу, они были обеспечены и водой, и пищей (особенно рыбой). Вступив 2 мая в пределы Джунгарской пустыни, они совершали переходы от одного колодца или ключа до другого в 50, 70 и более километров. Погода была очень плохая. Стояла жара, а 8 мая вдруг похолодало до $-2,5^{\circ}$. Но больше всего донимали песчаные бури, налетавшие всегда с запада или северо-запада. Почти каждый день около полудня воздух наполнялся тучами мелкого песка и соленой пыли. Болели глаза, сильные порывы ветра затрудняли движение верблюдов, очень трудно было вести съемку.

Растительность Джунгарской равнины бедна, разрежена, схожа с растительностью пустыни Гоби: преобладают саксаул, тамарикс, джузгун, эфедра, в солончаковых пустынях — солянки. Не богат и животный мир. Однако этот район Центральной Азии — единственное место в мире, где во времена Пржевальского еще водилась дикая лошадь.

Если о диком верблюде ученые знали еще со времен Марко Поло, то о дикой лошади до путешествий Н. М. Пржевальского науке ничего не было известно. Ему принадлежит честь открытия этого крупного животного. Зоолог И. С. Поляков в 1881 г. совершенно справедливо назвал этот новооткрытый вид «лошадью Пржевальского» — *Eguus przewalskii*. Лошадь Пржевальского отличается от домашней несколько меньшими размерами, короткой стоячей гривой, отсутствием челки, более крупной головой, хвост у нее в верхней части покрыт короткими волосами, как у осла.

Неизвестно, сохранилась ли в природе до сих пор дикая лошадь. Уже во времена Пржевальского она была редка, держалась табунами в 5—20 голов в самых труднодоступных местах Джунгарии. Косяки водили старые опытные жеребцы. Это были очень чуткие, осторожные животные. Пржевальскому удалось лишь дважды встретить табуны диких лошадей. Но приблизиться на меткий выстрел ни к одной дикой лошади так и не удалось. Экземпляр дикой лошади, который Пржевальский привез в Петербург, в Зоологический музей, был добыт охотниками-киргизами. Они доставили шкуру и череп начальнику Зайсанского поста А. К. Тихонову, а тот подарил их Пржевальскому.

Сейчас во всем мире в неволе живет немногим более 200 чистокровных лошадей Пржевальского. При Международном союзе охраны природы и ее

ресурсов создан специальный комитет по изучению и охране этого удивительного животного, представляющего исключительный интерес для науки. В столице Чехословакии Праге издаются специальные племенные книги, в которых приведены сведения о родословных лошадей Пржевальского во всех питомниках и зоопарках мира.

18 мая экспедиция подошла к северным предгорьям Восточного Тянь-Шаня. В редкие дни, свободные от пыли, путешественники видели эти высокие горы более чем за 200 км, а громадная вершина Богдо-Ула (5445 м) была видна уже с высот, окружающих долину верхнего Урунгу, то есть за 260—270 км.

От города Баркуль (Баркель) экспедицию сопровождали проводник и шесть солдат, присланные губернатором города. Три дня караван шел вдоль северной подошвы Тянь-Шаня и наконец, несмотря на противодействие сопровождавших проводников, свернул в горы. Поднявшись по склону, разбили лагерь на прекрасной лужайке.

«Трудно передать радостное чувство, — пишет Пржевальский, — которое мы теперь испытывали. Вокруг нас теснился густой лес из лиственниц, только что распустившихся и наполнявших воздух своим смолистым ароматом; вместо солончаков явились зеленые луга, усыпанные различными цветами, всюду пели птицы...»¹

Пржевальский отмечает, что восточная оконечность Тянь-Шаня имеет ширину всего 20—30 верст, но вершины хребтов местами поднимаются выше снеговой линии. С севера Тянь-Шань представляется огромной крутой стеной. Подножие северного склона занимают полупустыни и степи, с высо-

¹ Пржевальский Н. М. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. М., 1948, с. 63.

ты 1800 м появляются густые хвойные леса, которые одевают горы до 2700 м, выше — субальпийские и альпийские луга. Южный склон более полого понижается к Хамийской пустыне, сильно изборозжен глубокими ущельями, суше, леса здесь встречаются реже.

27 мая караван вступил в Хамийский оазис и расположился в полутора километрах от города. От Зайсана было пройдено около 1140 км, то есть треть расстояния до Лхасы.

Хамийский оазис известен с глубокой древности. Это самый восточный из цепочки оазисов, которые тянутся вдоль подножий Тянь-Шаня. Как и другие оазисы, он обязан своим существованием горным речкам и ручьям, которые нанесли плодородную почву и дают возможность возделывать поля и сады. Слава Хамийского оазиса обусловлена его выгодным географическим положением. Он является ключом ко всем областям, расположенным вдоль Восточного Тянь-Шаня. Через него идет важнейший путь в Джунгарию с запада.

В городе Хаами путешественники пробыли пять дней, закупая продукты и отдавая визиты вежливости губернатору. 1 июня караван выступил на юг, чтобы пересечь пустыню и выйти к горам Наньшань. Ширина пустыни составляла 350—370 км. Хамийская пустыня (или, по-современному, Гашунская Гоби) известна своей безводностью и безжизненностью. Это равнина, усыпанная щебнем и галькой, с солончаками во впадинах. Там и сям поднимаются пологие холмы и скалистые гривы. Растительность разреженная. Редки и животные. Как правило, это грызуны и пресмыкающиеся, хотя изредка здесь встречаются джейраны, куланы.

Переход через пустыню был одним из самых трудных за все время путешествия. Жара в пусты-

не достигла крайней степени. Поэтому большую часть перехода совершали ночью и утром, стараясь уже к девяти часам выбрать место для очередной стоянки.

Пройдя за десять дней 370 км по бесплодной пустыне, путешественники вступили в оазис Сачжоу, расположенный на ее южной окраине.

Утром 21 июня экспедиция выступила по направлению к Наньшаню. В 12 верстах от Сачжоу встретили небольшой оазис Чэнфу-дун — «тысяча пещер». Здесь, в обрывах ущелья, было выкопано в два этажа множество пещер, в каждой из которых помещались буддийские идолаы.

Вскоре после ознакомления с пещерным городом проводники завели экспедицию в одно из ущелий и объявили, что дальше дороги не знают. Н. М. Пржевальский решил идти дальше без проводников, разведывая дорогу самостоятельно и используя сведения, добываемые у местных жителей.

Перед путешественниками возвышалась исполинская стена Наньшаня с ярко блестящими на солнце снеговыми вершинами, резко выделявшимися на фоне иссиня-голубого неба. Горная система Наньшань протянулась с северо-запада на юго-восток на 800 км, имея в ширину до 320 км. Наньшань — часть горной дуги, окаймляющей с севера Тибет. Северо-восточнее гор лежат пустыни Гоби и Алашань, над которыми Наньшань резко вздымается на 4,5 км. Превышение же над расположенной юго-западнее Цайдамской котловиной всего около 1,5 км.

«Перед нами стояли те самые горы, — писал Н. М. Пржевальский, — которые протянулись к востоку до Желтой реки, а к западу — мимо Лобнора, к Хотану и Памиру, образуя собою гигантскую ограду всего Тибетского нагорья с северной стороны.

Вспомнилось мне, как впервые увидел я эту ограду в июне 1872 г. из пустыни Алашаньской, а затем, четыре с половиною года спустя, с берегов Нижнего Тарима. Теперь мы вступали в середину между этими пунктами — и тем пламеннее желалось поскорее забраться в горы, взглянуть на их флору и фауну...»¹

В горах Наньшань Пржевальский со спутниками пробыл почти месяц. И хотя ботанические и особенно зоологические сборы оказались не столь богатыми, как ожидалось, изучение гор дало важные для науки результаты.

С помощью монголов, встреченных у сезерного подножия гор, экспедиция отыскала тропу, ведущую в Цайдам, и, вступив в горы, устроила сначала стоянку у ключа, названного Благодатный. Базируясь в лагере у ключа, путешественники около двух недель изучали окрестные горы, охотились. Затем поднялись выше, в альпийскую часть гор, и остановились лагерем в небольшой долине на высоте 3560 м.

На седьмой день пребывания в верхнем поясе гор Пржевальский в сопровождении Роборовского и Коломейцева совершил восхождение на один из многочисленных ледников, увенчавшееся открытием неведомых до того науке хребтов.

По леднику взошли на вершину горы, также покрытую льдом. С высоты 5200 м перед путешественниками открылись необъятные дали. У южного подножия хребта, на гребне которого они находились, расстилалась равнина, с юга замыкавшаяся могучим хребтом со снежными вершинами. Этот хребет почти под прямым углом примыкал к тому,

¹ Пржевальский Н. М. Из Зайсана через Хами в Тибет..., с. 91.

на котором находились исследователи. Ни тот ни другой хребет не были обозначены на карте, и о них ничего не было известно науке. Пржевальский назвал эти хребты именами великих немецких географов—Гумбольдта и Риттера, много сделавших для изучения Центральной Азии (ныне приняты местные названия хребтов: Улан-Дабан и Дакэн-Дабан).

Восхождение на горы оставило глубокое впечатление. «Никогда еще до сих пор я не поднимался так высоко,— писал Пржевальский,— никогда в жизни не оглядывал такого обширного горизонта. Притом открытие разом двух снеговых хребтов наполнило душу радостью, вполне понятной страстному путешественнику»¹.

Исследование ближайших гор было закончено. Путешественники вернулись на стоянку у ключа Благодатный, откуда, разведав местность, перевалили через Наньшань и остановились лагерем в урочище Сыртым среди южных отрогов Наньшаня. Здесь чуть не погиб один из членов экспедиции — унтер-офицер Егоров. Во время охоты он заблудился в ущельях и пропал бесследно. Только через пять суток он случайно встретился со своими товарищами.

Дорога в Тибет проходила по северо-восточной окраине Цайдама. Собственно, чтобы попасть в Тибет, следовало бы идти на юго-запад и кратчайшим путем пересечь пустынную Цайдамскую равнину. Однако Пржевальский предпочел более длинный путь, чтобы попасть на юго-восточную окраину Цайдама, которую он пересек еще во время своего первого центрально-азиатского путешествия. В хырме (глиняной крепости) Дзун-Засак Пржевальский

¹ Пржевальский Н. М. Из Зайсана через Хами в Тибет..., с. 117.

надеялся встретить своих старых знакомых, оставить собранные коллекции, получить хорошего проводника и тогда уже двигаться в глубь Тибета.

В начале сентября экспедиция достигла Дзун-Засака, устроив свой лагерь в 3 км от хырмы. В знакомых местах Пржевальский пробыл шесть дней. Однако встречен он был очень холодно. Местный князь, с которым так дружески расстался Николай Михайлович в 1873 г., сначала категорически отказался дать проводника.

Но настойчивое требование Пржевальского возымело действие, и князь предоставил проводника, но пытался запугать путешественников предстоящими трудностями: глубоким снегом, болезнями от непривычного климата, разбойниками, вооруженными отрядами тибетцев, не пускающих чужеземцев в свою столицу.

Оставив большую часть багажа на хранение у старого знакомого — Камбы-ламы, экспедиция направилась во внутреннюю часть Тибета. Начался самый трудный, но наиболее интересный этап путешествия.

Чтобы не преодолевать, как в 1873 г., труднодоступный хребет Бурхан-Будда, Пржевальский решил обойти его с запада. 18 сентября хребет остался позади, и путешественники вступили на Тибетское нагорье.

«Грандиозная природа Азии,— пйсал Пржевальский,— проявляющаяся то в виде бесконечных лесов и тундр Сибири, то безводных пустынь Гоби, то громадных горных хребтов внутри материка и тысячеверстных рек, стекающих отсюда во все стороны,—ознаменовала себя тем же духом подавляющей массивности и в обширном нагорье, наполняющем южную половину центральной части этого континента и известном под названием Тибета. Рез-

ко ограниченная со всех сторон первостепенными горными хребтами, названная страна представляет собою, в форме неправильной трапеции, грандиозную, нигде более на земном шаре в таких размерах не повторяющуюся, столовидную массу, поднятую над уровнем моря, за исключением лишь немногих окраин, на страшную высоту от 13 до 15 тысяч футов. И на этом гигантском пьедестале громоздятся сверх того обширные горные хребты, правда относительно невысокие внутри страны, но зато на ее окраинах развивающиеся самыми могучими формами диких альпов. Словно стерегут здесь эти великаны труднодоступный мир заоблачных нагорий, неприветливых для человека по своей природе и климату и в большей части еще совершенно неведомых для науки...»¹

Постепенно поднимаясь вверх, экспедиция перелезла на высоте 4630 м через хребет Шуга и спустилась в долину реки Шуга-Гол. Характер местности резко изменился. Иными были и рельеф, и климат, и растительность. Но главное, что поразило путешественников, — это обилие крупных зверей, не боявшихся человека. Недалеко от лагеря спокойно паслись целые табуны киангов (у Пржевальского — хулань), лежали или расхаживали в одиночку дикие яки, паслись антилопы оронго и ада.

«Встречая по пути, иногда в продолжении целого дня, — отмечает Пржевальский, — сотенные стада яков, хуланов и множество антилоп, как-то не верится, чтобы то могли быть дикие животные, которые притом обыкновенно доверчиво подпуска-

¹ Пржевальский Н. М. Из Зайсана через Хами в Тибет..., с. 147.

ют к себе человека, еще не зная в нем самого злого врага своего»¹.

Самым примечательным и своеобразным животным Тибета, несомненно, является як, который прекрасно приспособлен к высокогорным условиям. Дикий як — крупное животное, ростом иногда до 2 м, весом от полтонны до тонны. Телосложение у яка массивное. Ноги сравнительно короткие. Черно-бурая шерсть яка густая, с большим количеством пуха. Длинные волосы на животе, груди и ногах свисают вниз и образуют «юбку», которая предохраняет от охлаждения, когда животное лежит на снегу. Телята прячутся от непогоды под брюхом у матери, шерстяной полог их надежно защищает от холода. Рога у самцов длинные, у самок короче. Пржевальский отмечает, что яки почти никогда не издают никакого голоса. В отличие от ряда других млекопитающих подсемейства быков як очень нерешительно нападает на ранившего его охотника и становится довольно легкой добычей. Як не выносит близости человека, поэтому численность этих больших и в общем-то добродушных животных постоянно сокращается.

Обилие крупных млекопитающих в высокогорных пустынях и полупустынях Северного Тибета, Пржевальский объясняет, во-первых, отсутствием людей, а во-вторых, обилием воды, чего нет в пустынях Гоби. Скудость же подножного корма возмещается обширностью пастбищ.

Чтобы попасть во внутреннюю часть Тибетского нагорья, экспедиции пришлось преодолеть три параллельные горные цепи восточной части Куньлуня. Первый с севера хребет, снеговые вершины которого поднимались до 6300 м, Пржевальский

¹ Пржевальский Н. М. Из Зайсана через Хами в Тибет..., с. 159—160.

назвал в честь великого итальянского путешественника хребтом Марко Поло (другое название — Бокалыктаг). Перевалив через этот хребет на высоте около 5 тыс. м, путешественники вступили на высокие внутренние плато (не ниже 4300 м).

«Но неприветливо встретило нас могучее нагорье! — писал Пржевальский. — Как теперь, помню я пронизывающую до костей бурю с запада и грозные снеговые тучи, низко висевшие над обширным горизонтом, расстилавшимся с перевала Чюм-чюм...»¹

3 октября выпал снег, затем ударил мороз. От нестерпимого блеска снега заболели глаза не только у всех членов экспедиции, но и у животных. Верблюды не могли отыскать корм и с голоду съели несколько вьючных седел, набитых соломой. В разреженном воздухе нагорья было тяжело дышать, быстро наступала усталость. В бедном кислородом воздухе очень трудно было разводить огонь и готовить пищу. Часа два требовалось, чтобы вскипятить чай, а мясо варилось чуть не полдня.

Ко всем этим трудностям прибавились бесцельные блуждания, так как проводник или не знал дороги, или не хотел дальше вести караван. Когда вступили в горы Кукушили, что простирались параллельно хребту Марко Поло, но южнее, проводник сознался, что заблудился. Терпение Пржевальского иссякло, и он, дав проводнику на дорогу еды, приказал ему убраться, куда знает. Решили сами разъездами отыскивать дорогу. К счастью, удалось довольно быстро отыскать проход и выйти к южному подножию гор.

В горах Кукушили и на хребте Думбуре (Дунгбуре), тянущемся параллельно, путешественники

¹ Пржевальский Н. М. Из Зайсана через Хами в Тибет..., с. 176.

встретили медведя-пищухоеда, неизвестного ранее науке. Размером этот медведь с нашего бурого, но отличается внешне рыжевато-белой окраской груди и плечей и светло-рыжей мордой. Обитает по всему Тибетскому нагорью. Питается различными травами, но более всего пищухами, которых ловко выкапывает из нор.

Пройдя хребет Думбуре и его отрог — горы Цаган-Обо, экспедиция вышла к берегам Мур-Усу (Муруй-Ус) — истоку знаменитой Янцзы, или Голубой реки.

Поохотившись на берегах Мур-Усу на диких яков, киангов и антилоп и спрятав в одной из пещер гор Цаган-Обо звериные шкуры, собранные на пути от Цайдама, путешественники поднялись сначала на высокое плато, а затем и на протянувшийся по плато в широтном направлении хребет Тангла. При подъеме на Тангла экспедиция впервые после Цайдама встретила людей. Это были еграи — одно из кочевых тибетских племен.

На восьмые сутки подъема экспедиция достигла перевала Тангла (5180 м) и разбила здесь лагерь. На следующий день, 7 ноября 1879 г., лагерь подвергся нападению еграев, которые отошли лишь после того, как путешественники открыли огонь. На следующий день, чтобы пробиться через ущелье и выйти в долину Сан-Чу (Сончу), пришлось выстроиться боевым порядком и дать несколько залпов по конным отрядам еграев и засевшим в горах разбойникам.

На втором переходе от реки Сан-Чу экспедиция встретила трех монголов, возвращавшихся из Лхасы. Один из них, по имени Дадай, оказался старым знакомым Николая Михайловича из Цайдама. Встреченные монголы сообщили тревожную весть: по стране разнесся слух, что русская экспедиция со-

бирается похитить далай-ламу, и тибетцы решили не пускать русских в Лхасу, на границе владений далай-ламы выставлены солдаты и милиция, местным жителям под страхом смертной казни запрещено продавать продукты чужестранцам и общаться с ними.

Вскоре экспедиция встретила двух тибетских чиновников, которые были посланы узнать, кто такие приближающиеся путешественники. Чиновники сказали Пржевальскому, что тибетское правительство решило не пускать путешественников дальше. Николай Михайлович предъявил пекинский паспорт и разрешение китайских властей на посещение Тибета и заявил, что экспедиция не повернет назад без окончательного разъяснения недоразумения. Такое разъяснение могло быть получено лишь из Лхасы, и Пржевальскому пришлось согласиться подождать получения ответа.

Расположились лагерем у ручья Ниер-Чунгу, близ восточной подошвы горы Бумза. Длительная остановка была кстати: устали и животные, и люди. Пользуясь ею, все члены экспедиции вымылись, привели в порядок одежду и обувь. Пржевальский знакомился с бытом кочевавших поблизости тибетцев. На основании этих наблюдений он затем составил этнографический очерк.

На шестнадцатый день, а именно 30 ноября, наконец прибыли два чиновника из Лхасы и сообщили, что решено не пускать русских в столицу Тибета. На следующий день приехал специальный посланник в сопровождении представителей всех 13 аймаков (областей) Тибета и подтвердил, что правительство закрыло Лхасу для чужестранцев. «На это я отвечал, — пишет Пржевальский, — что... по закону божескому странников, кто бы они ни были, следует радушно принимать, а не прогонять;

что мы идем без всяких дурных намерений, собственно, посмотреть Тибет и изучить его научно; что, наконец, нас всего 13 человек, следовательно, мы никоим образом не можем быть опасны»¹. Но посланник только повторял, что решение окончательное, умолял не двигаться дальше и даже обещал возместить все расходы по путешествию.

Отвергнув предложение об уплате издержек как недостойное «чести нашей», Пржевальский заявил, что он возвратится, но потребовал, чтобы ему выдали бумагу с объяснением причин, почему его не пустили в Лхасу. На следующий день такая бумага была составлена и вручена Пржевальскому. Ничего не оставалось, как повернуть назад.

«Итак, — писал с горечью Пржевальский, — нам не удалось дойти до Лхасы: людское невежество и варварство поставили тому непреодолимые преграды! Невыносимо тяжело было мириться с подобною мыслью и именно в то время, когда все трудности далекого пути были счастливо поборены, а вероятность достижения цели превратилась уже в уверенность успеха... теперь, когда всего дальше удалось проникнуть в глубь Центральной Азии, мы должны были вернуться, не дойдя лишь 250 верст до столицы Тибета»².

К сожалению, Лхаса так и осталась мечтой Пржевальского, не воплотившейся в жизнь.

3 декабря путешественники тронулись в обратный путь через Тибет. Совершен он был быстрее, так как с экспедицией шел хорошо знающий дорогу проводник Дадай. Но путь не был легким. Наступила глубокая зима, с морозами, метелями. К счастью, удалось выменять и купить десять мест-

¹ Пржевальский Н. М. Из Зайсана через Хами в Тибет..., с. 224.

² Там же, с. 226.

ных, очень выносливых лошадей. Верблюдов же из 34 осталось 26, причем половина из них были слабы, ненадежны.

Новый 1880 год встречали уже на северном склоне хребта Думбуре. 31 января, через четыре с половиной месяца после выхода в Тибет, экспедиция вернулась в Дзун-Засак. Было пройдено около 2 тыс. км. О трудностях путешествия говорит уже то, что из 34 верблюдов вернулись лишь 13. Сами путешественники чувствовали себя крайне утомленными.

Н. М. Пржевальский считал, что возвращением из Внутреннего Тибета закончился второй период путешествия. В третий период намечалось исследовать район верховьев реки Хуанхэ — северо-восточную часть Тибета.

Пробыв всего два дня в Дзун-Засаке, экспедиция двинулась на восток. Перевалив через Кукунорский хребет и обследовав южный берег озера Кукунор, путешественники остановились возле китайского пикета Шала-Хото (в 70 км от города Синин). Отсюда Пржевальский в сопровождении Роборовского, переводчика и трех казаков поехал к сининскому амбаню (губернатору) за разрешением исследовать верховья Хуанхэ. Разрешение удалось получить с большим трудом и только после того, как Пржевальский написал расписку, что предпринимает поездку на свой риск и никаких претензий китайским властям предъявлять не будет.

Закупив в Синине 14 мулов для перевозки вьюков и отправив в Алашань с казаком Гармаевым собранные ранее коллекции, Пржевальский со спутниками 17 марта покинул стоянку у Шала-Хото и направился к Хуанхэ, до которой было всего около 60 км.

Перевалив снова через Кукунорский хребет и поднявшись на горы Балеун, путешественники увидели желанную Хуанхэ. Местность по верхнему течению реки была гораздо более населенной, чем Внутренний Тибет. Однако обследовать ее было нелегко. Здесь высокие (до 5 тыс. м), труднодоступные горы, преимущественно широтного простирания, чередовались со степными плато, изрезанными глубокими ущельями (в 300—500 м глубины) с обрывистыми склонами. Так, подойдя по степной равнине к ущелью Чурмыа, путешественники вдруг увидели под ногами страшную пропасть, «на дне которой был иной мир и растительный, и животный. Здесь, вверху, — безводная, покрытая лишь мелкой травой степь, со степными зверями и птицами; там, внизу, — шумящая река, зеленеющий лес, лесные птицы и звери... Такой контраст — большой, чем на тысячеверстном пространстве в пустыне и вообще в странах равнинных, — теперь встречался всего на расстоянии двух-трех верст спуска и около полутора тысяч футов (450 м) вертикального поднятия!»¹

Одна из величайших рек Азии — Хуанхэ, или Желтая река, до экспедиции Пржевальского была мало изучена в своем верхнем течении, а истоки ее совершенно не были известны. В своей третьей Центральноазиатской экспедиции Пржевальскому удалось исследовать лишь верхнее течение Хуанхэ и прилегающие хребты Восточного Куньлуня. Пройдя от города Гуй-Дуя (Гуйдэ) вверх по течению 260 км, экспедиция вынуждена была отказаться от попытки пройти к истокам реки без проводника. Истоки Хуанхэ были открыты Пржевальским в его четвертом путешествии по Центральной Азии.

¹ Пржевальский Н. М. Из Зайсана через Хами в Тибет..., с. 292.

Три месяца пробыла экспедиция в бассейне Желтой реки, исследуя флору и фауну и проводя все обычные наблюдения. Лишь в конце июня путешественники выбрались из глубоких ущелий Хуанхэ на плато Кукунор и направились к озеру.

У южного берега Кукунора, в устье реки Арагол, экспедиция задержалась на четыре дня. Занимались рыбной ловлей, охотой, ботаническими сборами. В ясную погоду наслаждались прекрасным купанием в озере.

Новое посещение Кукунора дополнило представление Пржевальского о флоре и фауне приозерного района. До этого путешественник бывал на берегах озера осенью и зимой, когда жизнь здесь замирала.

Сделав съемку восточного и северо-восточного берегов Кукунора и тем завершив съемку всего озера, начатую еще в Монгольской экспедиции, Пржевальский направился 6 июля в горы Ганьсу, к кумирне Чайбсен, куда экспедиция прибыла через 8 суток.

С приходом в Чайбсен завершилась глазомерная съемка, которую Пржевальский вел непрерывно от реки Урунгу. Местность вдоль дороги через Алашань и пустыню Гоби была уже нанесена на карту во время Монгольской экспедиции.

Около месяца провели путешественники в Тэ-тунгских горах. Николай Михайлович проверял и дополнял свои прежние исследования этой местности.

В начале августа экспедиция спустилась с Северо-Тэ-тунгских гор на равнину и направилась через пустыни Алашань и Монгольскую Гоби в Ургу. По дороге пополнялись коллекции и производились метеорологические наблюдения. 19 октября экспедиция достигла Урги, где путешественники отды-

хали 5 дней. На шестые сутки участники экспедиции в экипажах выехали в Кяхту, куда и прибыли 29 октября (10 ноября) 1880 г.

Хотя свои путешествия Пржевальский скромно называл рекогносцировками, научные результаты их были огромны. В этом отношении третье путешествие в Центральную Азию оказалось одним из самых плодотворных. Путешественники прошли 7660 км пути, в основном по не исследованным никаким районам Центральной Азии. При этом большая часть пути была нанесена глазомерной съемкой на карту. Съемка опиралась на определяемые Пржевальским астрономические и гипсометрические пункты. В течение всего путешествия трижды в день проводились метеорологические наблюдения. Они явились основой для характеристики климата Центральной Азии.

В Наньшане и Тибете были открыты неизвестные ранее науке хребты Гумбольдта, Риттера, Марко Поло и др. В третьей экспедиции Пржевальский наиболее далеко проник в глубь Внутреннего Тибета и находился на прямом пути в Лхасу.

Необычайный интерес у ученых вызвали этнографические наблюдения во вновь посещенных районах.

Обильные ботанические и зоологические коллекции содержали и уникальные, неизвестные до того науке виды. Особенно большой интерес представляли впервые вывезенные в Европу шкуры и черепа дикой лошади и медведя-пищухоеда. Большую научную ценность помимо коллекций представляли наблюдения Пржевальского за жизнью животных в Центральной Азии, а также сведения об экологии растений.

...Слава Пржевальского росла в России по мере поступления сведений о путешествии. Уже по до-

роге из Кяхты в Петербург Николай Михайлович стал получать поздравительные телеграммы. В ряде городов он вынужден был останавливаться и делать сообщения о путешествии. Так что в Петербург Пржевальский со своими помощниками прибыл лишь 7 января 1881 г. Их встречали представители Географического общества во главе с вице-председателем П. П. Семеновым, академики, писатели, журналисты — словом, собралась толпа народа.

Вечером 14 января состоялось торжественное собрание членов Общества, где чествовали Н. М. Пржевальского. Во вступительной речи П. П. Семенов оценил заслуги Пржевальского и сообщил, что Географическое общество избрало его своим почетным членом. Встреченный овацией, Николай Михайлович рассказал о своем путешествии.

Н. М. Пржевальский был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени, ему вдвое была увеличена пожизненная пенсия. Петербург и Смоленск избрали его почетным гражданином.

По ходатайству Николая Михайловича все члены экспедиции получили награды. Роборовский и Эклон были произведены в следующие чины, и каждому была назначена пожизненная пенсия.

Н. М. Пржевальский писал, что успех всех трех путешествий по Центральной Азии «обуславливался в весьма высокой степени смелостью, энергией и беззаветной преданностью своему делу моих спутников. Их не пугали ни страшные жары и бури пустыни, ни тысячеверстные переходы, ни громадные, уходящие за облака, горы Тибета, ни леденящие там холода... Отчужденные на целые годы от своей родины, от всего близкого и дорогого, среди многообразных невзгод и опасностей, являвшихся непрерывной чередой, — мои спутники свято исполняли свой долг, никогда не

падали духом и вели себя поистине героями. Пусть же эти немногие строки будут хотя слабым указанием на заслуги, оказанные русскими людьми делу науки, как равно и ничтожным выражением той глубокой признательности, которую я навсегда сохраню о своих бывших сотоварищах...»¹

Нескончаем был поток поздравлений, знаков внимания и наградений со стороны и других русских и иностранных ученых обществ. Пржевальского избрали почетным доктором зоологии Московского университета, почетным членом Петербургского университета, Петербургского общества естествоиспытателей, Уральского общества естествознания и др. Слава его гремела и за границей. Венское, Венгерское, Итальянское и Дрезденское географические общества избрали его своим почетным членом. Королевское географическое общество в Лондоне прислало золотую медаль, которой Н. М. Пржевальский был награжден еще во время путешествия в 1879 г.

В обработке привезенных экспедицией Пржевальского коллекций принимали участие виднейшие русские ученые, в том числе академики К. И. Максимович и А. А. Штраух. Данные этих ученых Н. М. Пржевальский частично включил в свою книгу «Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки», полностью же они публиковались в специальных выпусках, выходявших под общим названием «Научные результаты путешествий Н. М. Пржевальского по Центральной Азии».

Ботаническую коллекцию Пржевальский подарил Ботаническому саду, а зоологическую — Зоологическому музею Академии наук.

Выставка пользовалась большим успехом.

¹ Пржевальский Н. М. Из Зайсана через Хами в Тибет..., с. 364.

НА ОЗЕРЕ САПШО

Только в конце мая удалось Николаю Михайловичу вырваться из Петербурга в «Отрадное». Здесь он отдыхал от сто-

личной суеты и приступил к составлению описания своего путешествия.

Жизнь в деревне протекала размеренно. Вставал Николай Михайлович в 7 утра, обливался холодной водой и после завтрака до 12 часов занимался. После обеда совершал прогулки, решал хозяйственные дела. В десять вечера обычно уже ложился спать. Однако «Отрадное» во многом потеряло для Пржевальского свою прежнюю привлекательность. Не стало самых близких людей — матери и дяди. Недалеко провели железную дорогу, началась усиленная рубка лесов, что распугало зверей и птиц. А Пржевальский не представлял себе жизни без охоты.

Многолюдье, грустные воспоминания, невозможность в часы отдыха отжаться любимой охоте сказывались и на работе над отчетом об экспедиции. Николай Михайлович решает покинуть «Отрадное» и обосноваться в тихом уголке, подальше от железной дороги, где ничто не мешало бы работе и была бы хорошая охота и рыбная ловля. Таким

местом оказалось имение в сельце Слобода Поречского уезда Смоленской области, от которого Пржевальский пришел в полный восторг. Имение находилось в 85 км от железной дороги, в нем насчитывалось более двух тысяч десятин (2,2 тыс. га) земли и 700 десятин леса. В состав имения входили озеро Петраковское и восточная половина озера Сапшо (местные жители называли его Сопша) окружностью около 8 км. Протекали также две речки, из которых одна — Ельша — довольно большая, богатая рыбой и раками. В окрестностях на сотни верст простирались леса, преимущественно новые, где водились медведи, рыси, попадались лоси и кабаны, а главное, была масса пернатой дичи — рябчиков, тетеревов, глухарей.

Северо-запад Смоленщины, где расположена Слобода (с 1974 г. поселок городского типа Пржевальское Демидовского района Смоленской области), и поныне наименее заселенная и очень живописная ее часть. Сюда заходит Валдайская возвышенность, сильно всхолмленная, со множеством озер ледникового происхождения. Красивейшее из озер — Сапшо с шестью островами и холмистыми, поросшими лесом берегами. «Местность вообще гористая, — сообщал Пржевальский Н. И. Толпыго, — сильно напоминающая Урал. Озеро Сапшо в гористых берегах, словно Байкал в миниатюре...»¹

Этот озерно-лесной край и в наше время привлекает многих любителей природы; на берегу Сапшо возведено высокое здание санатория им. Н. М. Пржевальского.

Известный советский поэт Николай Рыленков,

¹ Дубровин Н. Ф. Николай Михайлович Пржевальский, с. 364.

тоже уроженец Смоленщины, писал полушутя-полусерьезно: «Самым удивительным открытием Пржевальского я в глубине души считал открытие Слободы, озера Сапшо. Открытие необыкновенного в обыкновенном. Конечно... для того, чтобы сделать такое открытие, нужно тоже повидать свет»¹.

Приехав впервые в Слободу в 1964 г., Рыленков был буквально очарован прелестью ее окрестностей. «Все было до слез знакомо, — писал он, — и в то же время ново. Были подернутые туманно-золотистой дымкой полевые дали, накатанные дороги среди хлебов, плакучие березы с громоздкими аистинными гнездами на околицах деревень, синеющие на горизонте боры, а в борах, чуть ли не за каждым поворотом — озера. Озера, от самих названий которых веяло терпким духом срединной России: Глубокое, Круглое, Рытое, Стретное, Мутное, Чистик...

Кто хоть раз побывал на этих озерах, тот никогда не спутает их. Каждое из них отличается от другого не только по форме, но даже по цвету, вкусу и запаху воды. И до каждого из них рукой подать от слободской околицы, от самого живописного из всех здешних озер — Сапшо.

Когда мне открылось оно с высоты поросшего корабельными соснами берега, я только глубоко-глубоко вздохнул. Так сладко вдруг заняло сердце от какой-то изначальной свежести, от сходящихся над зыбью волн и снова расходящихся далей, от искристой синевы бездонного русского неба, от яркой зелени островов, где могучие деревья, казалось, вырастают прямо из воды»².

¹ Рыленков Н. И. На озере Сапшо. М., 1966, с. 71.

² Рыленков Н. И. На озере Сапшо, с. 72—73.

«Открыв» этот чудесный уголок Центральной России, Н. М. Пржевальский сразу же по приобретении имения в июне 1881 г. переехал туда. Вскоре он развел сад и посадил березовую рощу, вырыл пруд и напустил в него рыб. Здесь успешнее пошла и работа над книгой. Занимался он не в доме, а в расположенном в саду флигеле — «хатке», куда допускались только самые близкие друзья. Все лето в Слободе жили Роборовский и унтер-офицер Румянцев. С другими своими спутниками Николай Михайлович поддерживал оживленную переписку.

Пржевальский не оставлял мысли о новых путешествиях. Имение приобреталось не для того, чтобы осесть в деревне. Это было, как говорил сам Пржевальский, гнездо, из которого он собирался «летать в глубь азиатских пустынь».

«Грустное, тоскливое чувство всегда овладевает мной, — писал Пржевальский, заканчивая свою книгу, — лишь только пройдут первые порывы радостей по возвращении на родину. И чем далее бежит время среди обыденной жизни, тем более и более растет эта тоска, словно в далеких пустынях Азии покинуто что-либо незабвенное, дорогое, чего не найти в Европе. Да, в тех пустынях действительно имеется исключительное благо — свобода, правда, дикая, но зато ничем не стесняемая, чуть не абсолютная... Притом самое дело путешествия для человека, искренно ему преданного, представляет величайшую заманчивость ежедневной сменой впечатлений, обилием новизны, сознанием пользы для науки. Трудности же физические, раз они миновали, легко забываются и только еще сильнее оттеняют в воспоминаниях радостные минуты удач и счастья. Вот почему истому путешественнику невозможно позабыть о своих странства-

ниях даже при самых лучших условиях дальнейшего существования»¹.

В работе над книгой о третьем центральноазиатском путешествии, в заботах по устройству имения, за рыбной ловлей и хождением на охоту дни мелькали незаметно.

Время от времени Николай Михайлович устраивал себе периоды отдыха, когда ничем не занимался, ничего не читал, даже газет. Обычно на эти дни он приглашал к себе друзей и встречал их «во всю ширину русского радушия и своей могучей натуры»².

Но ни дела, ни развлечения не отвлекали Пржевальского от планов нового путешествия, задуманного им с более широким размахом. Он решил подыскать себе третьего помощника. Как всегда, предложений было много, но, учитывая печальный опыт с Повало-Швейковским, Пржевальский крайне придирчиво выбирал спутника и никак не мог остановиться на каком-либо кандидате. Любимая нянька Николая Михайловича, Макарьевна, обратила его внимание на юношу Петра Козлова, служившего в Слободе конторщиком на винокуренном заводе.

Петр Кузьмич Козлов, сам смоленский (родился в г. Духовщина), знал заочно своего знаменитого земляка, читал его книги, грезил о дальних странах, но, конечно, никогда не думал, что его мечты могут осуществиться. И вдруг Пржевальский появился в Слободе и остался здесь жить! Встреча с великим путешественником потрясла 18-летнего юношу. «Своей фигурой, движениями,

¹ Пржевальский Н. М. Из Зайсана через Хами в Тибет..., с. 364.

² Козлов П. К. В азиатских просторах. М., 1947, с. 101.

голосом, — вспоминал впоследствии П. К. Козлов, — своей оригинальной орлиной головой он не походил на остальных людей; глубоким же взглядом строгих красивых голубых глаз, казалось, проникал в самую душу. Когда я впервые увидел Пржевальского, то сразу узнал его могучую фигуру, его властное благородное красивое лицо, его образ, — знакомый, родной мне образ, который уже давно был создан моим внутренним воображением»¹.

Поговорив несколько раз с молодым человеком, Николай Михайлович решил подготовить его к путешествию. Он совершает с ним экскурсии по окрестностям, берет на охоту, учит препарировать птиц, собирать гербарий и, конечно, рассказывает о прелестях страннической жизни. Осенью 1882 г. П. К. Козлов перешел в дом Николая Михайловича. Пржевальский купил учебников и посадил юношу готовиться к экзаменам за полный курс реального училища. В январе 1883 г. Козлов успешно выдержал в Смоленске экзамены и, чтобы быть зачисленным в экспедицию, поступил в Москве на военную службу в качестве вольноопределяющегося. После трех месяцев службы П. К. Козлов был зачислен в состав новой, четвертой Центрально-азиатской экспедиции Пржевальского.

Накануне Нового года рукопись книги, над которой Пржевальский работал, была закончена, и в начале января 1883 г. он выехал в Петербург для хлопот по ее изданию.

В феврале Пржевальский представил Совету Географического общества план новой экспедиции в Тибет. Совет поддержал предложение Пржевальского, и вице-председатель Общества П. П. Семе-

¹ Козлов П. К. В азиатских просторах, с. 99.

нов через посредство министра финансов выхлопотал необходимые для снаряжения экспедиции 43,5 тыс. руб. В апреле 1883 г. был подписан приказ о командировании Пржевальского на два года в Тибет.

К этому времени вышла из печати книга Пржевальского «Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки». Как и работа «Монголия и страна тангутов», она совмещала в себе научный отчет об экспедиции с живым рассказом о ее ходе. Сочетание строгой научности с увлекательностью и красочностью описания сделали доступной книгу самым широким кругам читателей. Она тепло была принята на родине и уже через год появилась в переводах за рубежом.

Книга иллюстрирована многочисленными рисунками В. И. Роборовского. Иллюстрации эти по праву следует отнести также к документам экспедиции Пржевальского.

С выходом книги завершены были все дела по третьей Центральноазиатской экспедиции, и Николай Михайлович стал деятельно собираться в новое путешествие. Уже накануне отъезда, в июле, Эклон неожиданно отказался от участия в экспедиции, так как собирался жениться.

Таким образом, и в четвертой Центральноазиатской экспедиции Н. М. Пржевальскому пришлось ограничиться также двумя помощниками.

ВТОРАЯ ТИБЕТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Собираясь в четвертое путешествие по Центральной Азии, Пржевальский главной задачей ставил исследование северной части Тибетского нагорья. Он считал, что двумя предыдущими посещениями Тибета он только начал изучение огромной, неизвестной науке высокогорной территории между 30 и 39° с. ш. и 82 и 102° в. д.

Николай Михайлович, конечно, мечтал проникнуть в Лхасу, но не ставил эту задачу важнейшей и конечной целью путешествия. Достигнув верховьев Брахмапутры, экспедиция должна была пересечь Тибет с юго-востока на северо-запад, выйти к хребту Каракорум, затем к озеру Лобнор. Отсюда намечалось направиться в г. Хотан и через пустыню Такла-Макан и Тянь-Шаньские горы выйти к озеру Иссык-Куль. Несколько изменялся метод исследования. Раньше по маршруту двигался весь караван. Теперь Николай Михайлович решил устраивать в благоприятных местах опорные пункты, в которых оставлялась под присмотром нескольких казаков основная часть багажа, а остальные совершали бы радиальные маршруты. Пунктами формирования каравана намечались Кяхта и Урга.

В начале августа 1883 г. Пржевальский, Роборовский и Козлов выехали из Петербурга. В Москве к ним присоединились Иринчинов и Юсупов, а также четыре солдата-гренадера. Благодаря гораздо большим материальным средствам экспедиция была значительно лучше снаряжена, чем предыдущие. Багажа набралось свыше 150 пудов. Поездом, на пароходах, а от Томска на почтовых лошадях путешественники к 26 сентября добрались до Кяхты.

Здесь был окончательно укомплектован личный состав экспедиции. В нее вошел 21 человек: начальник экспедиции, его помощник — поручик В. И. Роборовский и вольноопределяющийся П. К. Козлов, препаратор — младший урядник Пантелей Телешов, старший урядник Дондок Иринчинов — спутник всех центральноазиатских путешествий Пржевальского, вольнонаемные Абдул Юсупов и Михаил Протопопов, четыре солдата-гренадера, приехавшие из Москвы, а также семь казаков и трое солдат, нанятые в Кяхте.

21 октября (2 ноября) 1883 г. экспедиция выступила из Кяхты и покинула пределы родины. На переход от Кяхты до Урги (несколько более 300 км) путешественники затратили девять суток. После закупки дополнительно верблюдов и лошадей, а также 30 баранов и распределения обязанностей между всеми участниками экспедиции путешественники 8 ноября тронулись в путь.

Накануне Пржевальский зачитал приказ, в котором простыми словами, доходчивыми для рядовых солдат, рассказал о значении предпринимаемого дела. В приказе говорилось:

«Товарищи! Дело, которое мы теперь начинаем, — великое дело. Мы идем исследовать неведомый Тибет, сделать его достоянием науки... Вся

Россия, мало того, весь образованный мир с доверием и надеждой смотрят на нас. Не пощадим же ни сил, ни здоровья, ни самой жизни, если то потребуется, чтобы выполнить нашу громкую задачу до конца и сослужить тем службу как для науки, так и для славы дорогого Отечества»¹.

В выступившем караване было 57 верблюдов (40 под вьюками, 14 «под верхом» у казаков, 3 запасных) и 7 верховых лошадей. Впереди отряда ехал Пржевальский с проводником-монголом и препаратором Телешовым. Головной эшелон вел Иринчинов. В середине каравана ехал двадцатилетний Козлов, начинающий свои путешествия по Центральной Азии. В арьергарде находился Роборовский. Позади каравана один из верховых казаков гнал стадо баранов — живой запас продовольствия.

По выходе из Урги путешественники вскоре вступили в пустыню Гоби, протянувшуюся через всю Центральную Азию. Чтобы быстрее достичь Тибета, решили до Цайдама идти путем, уже пройденным до этого дважды, а местами и трижды во время прежних путешествий: через пустыни Монгольскую Гоби и Алашань, горы Ганьсу, мимо озер Кукунор и Дзун-Засак.

Сначала стояли сильные морозы. Но по мере продвижения на юг солнце днем все ощутимее пригревало. Снег, лежавший в окрестностях Урги, исчез. В первый день Нового 1884 года путешественники пили чай на открытом воздухе и любовались видом на Алашаньский хребет.

Однако далеко не всегда стояла тихая погода. Нередко налетали бури. «Эти бури, — писал Пржевальский, — обыкновенно западные или северо-за-

¹ Пржевальский Н. М. От Кяхты на истоки Желтой реки. М., 1948, с. 27—28.

падные, являются могучими деятелями в геологических образованиях и в изменениях рельефа поверхности пустыни, словом, производят здесь ту же активную работу, какую творит текучая вода наших стран.

Нужно видеть воочию всю силу разгулявшегося в пустыне ветра, чтобы оценить вполне его разрушающее действие. Не только пыль и песок наполняют в это время атмосферу, но в воздухе иногда поднимается мелкая галька, а более крупные камешки катятся по поверхности почвы...

Те же бури являются главной причиной образования столь характерной для всей Внутренней Азии лёссовой почвы»¹.

Как и в прежних своих путешествиях, Пржевальский регулярно ведет метеорологические наблюдения, дает характеристику зимнего климата Гоби, определяет абсолютные высоты местности, исследует животный и растительный мир.

К концу января экспедиция достигла южной границы пустыни Алашань. Над ней вздымалась горная цепь Наньшань.

Первым объектом исследования четвертой экспедиции стала гористая местность Ганьсу, входящая в систему Наньшаня. Стоянку устроили на берегу реки Тэтунг (Датунхэ), левого притока Хуанхэ, близ кумирни Чертынтон. Это живописное место было хорошо знакомо и любимо Пржевальским. Он говорил, что лучшей стоянки они не имели нигде во всей Центральной Азии. «Здесь прекрасные обширные леса, с быстро текущими по ним в глубоких ущельях ручьями, роскошные альпийские луга, усталые летом пестрым ковром цветов, рядом с дикими, недоступными скалами и голыми

¹ Пржевальский Н. М. От Кяхты на истоки Желтой реки, с. 38.

каменистыми осыпями самого верхнего горного пояса; внизу же быстрый, извилистый Тэтунг, который шумно бурлит среди отвесных каменных громад,— все это сочетается в таких дивных, ласкающих взор формах, какие не легко поддаются описанию. И еще сильнее чувствуется обаятельная прелесть этой чудной природы для путешественника, только что покинувшего утомительно-однообразные, безжизненные равнины Гоби...»¹ Великолепная картина, нарисованная рукой зрелого мастера: представляешь и весь пейзаж, и ландшафтную поясность гор, и контрастность природы к северу и югу от передовых хребтов Наньшаня.

В Ганьсу путешественники охотились на косуль, лисиц и других зверей, скупали приносимые населением звериные шкуры, наблюдали за ранним весенним перелетом птиц. Высоко в горах охотились за уларами, или горными индейками.

Покинув Ганьсу, экспедиция вышла на степную кукунорскую равнину. Проследовав вдоль северного и северо-западного берегов озера Кукунор, путешественники перевалили через Кукунорский хребет и вышли 1 мая в восточную часть Цайдама.

Экспедиция остановилась в хырме князька Дзун-Засака. Первый этап путешествия был завершен. Экспедиция пересекла две трети Центральной Азии и доставила на исходные позиции необходимые для выполнения главной цели средства и запасы. На это ушло более шести месяцев.

Как и четыре года назад, надо было пополнить запасы продовольствия и купить новых верблюдов, так как старые обессилели от долгой дороги и зимней бескормицы.

¹ Пржевальский Н. М. От Кяхты на истоки Желтой реки, с. 56.

Тащить с собой в Тибет все снаряжение было невозможно, и экспедиция устроила у Барун-Засака склад. В караул назначили Иринчинова с шестью казаками. Остальные 14 участников экспедиции в сопровождении проводника-монгола и сининского переводчика-китайца, знавшего тибетский язык, отправились к истокам Желтой реки, рассчитывая вернуться через три-четыре месяца.

9 мая экспедиция выступила в новый путь и, перевалив через хребет Бурхан-Будда, вышла на волнистое плато Северного Тибета. Перед путешественниками лежала местность, где никогда еще не ступала нога европейца. Да и сами китайцы ее почти не знали.

17 мая экспедиция достигла истоков Хуанхэ и разбила свой бивуак на правом ее берегу.

«Таким образом,— вспоминает Пржевальский,— давнишние наши стремления увенчались наконец успехом: мы видели теперь воочию таинственную колыбель великой китайской реки и пили воду из ее истоков. Радости нашей не имелось конца»¹.

Пржевальский первый из всех исследователей Азии точно определил долготу и широту истоков Хуанхэ и нанес их на карту. Решена была важная географическая задача. Пржевальский подробно исследовал горы Баян-Хара-Ула — водораздел двух великих китайских рек — Хуанхэ и Янцзы. За водоразделом резко изменился характер местности: вместо однообразных плато возникли изрезанные долинами горы, на дне ущелий показались зеленющие лужайки, появились цветы, иные насекомые и птицы. Стало значительно теплее, хотя по сравнению с Тибетским плато высота местности была ниже всего на 300—350 м.

¹ Пржевальский Н. М. От Кяхты на истоки Желтой реки, с. 84.

10 июня путешественники вышли в долину верхнего течения Янцзы. Собрав довольно большие ботанические и зоологические коллекции, путники покинули долину Янцзы и повернули обратно к верховьям Хуанхэ. Пржевальский решил исследовать два больших сообщающихся озера, расположенных в верхнем течении этой реки.

Путь по горам был очень тяжелым. Сильно затрудняли движение каравана непрерывные дожди, вздувшиеся реки. На одной из переправ, спасая уплывавших баранов, чуть не утонул Роборовский.

3 июля караван поднялся прежним путем на водораздел Хуанхэ и Янцзы и вступил вновь на Тибетское плато. Было лето, а здесь, на большой высоте, путешественники попали в стужу и сырость. Дожди нередко сменялись снегопадом, по ночам морозило. Болота, топи, разлившиеся речки встречались на каждом шагу. Люди спали на мокрых войлоках, одежда на них не просыхала, оружие постоянно ржавело. От пронизывающего до костей холода страдали не только сами путешественники, но и верблюды.

11 июля караван вышел в озерную котловину. Пржевальский установил, что Хуанхэ, образовавшись из ключей и речек в котловине Одонь-тала, вскоре проходит через два больших озера, сразу увеличиваясь в размерах. При обследовании озер было установлено, что каждое из них имеет около 130 верст в окружности, берега их гористы и довольно изрезаны, разделяются они перешейком шириной менее 10 верст. Вода пресная. Впервые были правильно определены местоположение озер и их конфигурация. Не зная местных названий, Пржевальский обозначил одно из озер, лежащее восточнее, озером Русским (оз. Орин-Нур), а ле-

жащее западнее — озером Экспедиции (оз. Джарин-Нур).

Пребывание на Тибетском плато в районе истоков Хуанхэ было не только тяжело физически, но оказалось и опасным. Близ озера Джарин-Нур впервые были встречены тибетцы, которые расположились на ночлег верстах в двенадцати от лагеря Пржевальского. Думая, что это проходящий караван, Николай Михайлович не обратил на него особого внимания. Но на рассвете следующего дня вдруг послышался конский топот и часовой увидел большой отряд всадников, скакавших к лагерю. Другой отряд приближался с противоположной стороны. Это были разбойники, грабившие караваны. Путешественникам пришлось дважды отбивать их нападение. За военное отличие Пржевальский произвел всех солдат и казаков в унтер-офицеры и урядники.

Обследовав и нанеся на карту берега озер Орин-Нур и Джарин-Нур, отряд направился вдоль долины Хуанхэ к Цайдаму и в начале августа благополучно вернулся к своему складу на дворе Барун-Засака. Здесь караван две недели отдыхал и готовился к новому этапу путешествия.

Теперь было решено пройти по Южному Цайдаму и Восточному Туркестану вдоль подножия не исследованной еще западной части Куньлуня. Новый склад было намечено устроить в урочище Гас и в течение зимы исследовать окрестности, а весной переместиться на Лобнор.

В новый путь из Барун-Засака караван выступил 26 августа (7 сентября) 1884 г. Верстах в шестидесяти, на реке Номхон-Гол, экспедиции пришлось задержаться на 18 дней, так как верблюды заболели ящуром. Участники экспедиции использовали это время для ознакомления с ближайшими окрест-

ностями, для сбора зоологических и ботанических коллекций, наблюдали осенний перелет птиц. К счастью, погода за все время вынужденной стоянки была отличная.

Покинув стоянку у Номхон-Гола, экспедиция тронулась в путь по солончаковой глинистой пустыне Южного Цайдама и 20 сентября прибыла в урочище Гас, расположенное в северо-западной части Цайдама. Минул год с начала путешествия. Со дня выхода из Кяхты пройдено 3980 верст караванного пути. Сделано было немало, имелись шансы на успех и в дальнейшей работе.

Урочище Гас представляло собой, как и почти весь остальной Цайдам, солончак, в северной части которого располагалось мелкое соленое озеро Гас. С севера и юга над озером вздымались горы. На севере это был Алтынтаг, на юге еще не исследованные Пржевальским цепи Куньлуня. Прежде чем отправиться в Куньлунь, был разведан путь на север — через Алтынтаг к Лобнору.

19 ноября, оставив на базе большую часть верблюдов, лошадей и баранов под охраной Иринчинова, шести казаков и переводчика Юсупова, остальные члены экспедиции отправились в зимний маршрут исследовать Куньлунь и Тибетское нагорье. По долине, названной Пржевальским из-за частых бурь Долиной ветров, караван направился к подножию гор. Затем по ущелью реки Зайсан-Сайту путешественники стали подниматься на северную окраину Тибетского нагорья.

От котловины Цайдам Тибетское плато отделяла мощная горная система Куньлуня. Только после маршрута Пржевальского со спутниками выяснилось, что в западной части Куньлунь, этот «позвоночный столб Азии», состоит из нескольких параллельных цепей, разделенных узкими межгор-

ными долинами. При пересечении Куньлуня были открыты новые колоссальные хребты и горные озера. Поскольку эти хребты и озера не были нанесены на карты, Пржевальский дал им русские названия. Так появились на карте Центральной Азии хребет Московский с вершиной Кремль, хребет Загадочный, переименованный по решению Русского географического общества в хребет Пржевальского (другое название — Аркатаг). Высочайшую вершину этого хребта и одну из самых высоких во всем Куньлуне (7720 м) Пржевальский назвал Шапкой Мономаха (параллельное название — Чонг-Карлыктаг). Кроме того, Пржевальским были открыты, названы и нанесены на карту хребты Цайдамский (Каякдыгтаг) и Колумба, а на плато между хребтами Колумба и Пржевальского — озеро Незамерзающее (на современных картах — Аяккумкель), оказавшееся не покрытым льдом, несмотря на установившиеся морозы.

Зимний маршрут на Тибетское нагорье потребовал большого напряжения физических сил. Из-за разреженного воздуха трудно было дышать, быстро наступала усталость. Однако сознание долга, стремление к познанию нового помогали ее преодолеть и продолжать изучение района, никем еще из европейцев не посещавшегося.

Новый год путешественники встретили в горах, а 11 января 1885 г. вернулись на свою базу в Гасе. В зимнем маршруте они пробыли 54 дня, прошли 784 версты (836 км) и обследовали один из самых неведомых уголков Центральной Азии.

Трое суток после трудного горного маршрута отдыхали, просушивали собранные зоологические коллекции, писали отчеты, а затем тронулись на север, к озеру Лобнор, по пути, отысканному в ноябре прошлого года.

Перевалив через Алтынтаг, караван прибыл 28 января на южный берег озера Лобнор, впервые увиденного Пржевальским восемь лет назад. Устроились лагерем на старом, хорошо знакомом месте. Местные жители узнали путешественников, приняли их радушно. Экспедиция в достатке снабжалась продовольствием, работа протекала в спокойной обстановке.

Пржевальский более подробно исследовал и описал нижнее течение реки Тарим, само озеро Лобнор, его флору и фауну. Большое внимание было уделено изучению жизни и нравов лобнорцев, их внешнему виду, жилищам и обычаям. Роборовский сделал много фотоснимков представителей этого гостеприимного народа, живущего в тяжелых условиях.

Пржевальский со своими спутниками пробыл на Лобноре всю раннюю весну. Наблюдали пролет птиц. С началом валового прилета уток часто и удачно охотились на них. Помимо изучения животного мира, растительности, метеорологических наблюдений Пржевальский дважды произвел астрономическое определение широты и долготы озера.

«Продолжительное пребывание на Лобноре, — писал Пржевальский, — среди добрых, приветливых туземцев отлично подкрепило наши силы на дальнейший путь. Пришлось это как нельзя более кстати после всех трудов зимнего путешествия в Тибете и перед началом исследований в местностях совершенно иного, чем до сих пор, характера. Теперь открывался третий период нашего странствования, обнимавший собой движение по Восточному Туркестану до самого конца экспедиции»¹.

¹ Пржевальский Н. М. От Кяхты на истоки Желтой реки, с. 223.

20 марта 1885 г. экспедиция оставила Лобнор и двинулась на юго-запад, вдоль окраины пустыни Такла-Макан, через оазисы Черчен и Ния в Керюю. Все население ближайших поселков вышло проводить русских.

Караван двигался то по бесплодным пескам, то продираясь через заросли кустарника. Часть маршрута проходила вдоль реки Черчен. 14 апреля путешественники вышли к Черченскому оазису. Из-за сильной песчаной бури, длившейся неделю, экспедиция продолжила свой путь лишь 25 апреля. Через два дня путешественники, преодолев 90 км и поднявшись на 1,5 км, достигли подножия гор. Перед ними вздымался хребет, не отмеченный до сих пор на картах и не имевший единого наименования у местных жителей. Пржевальский назвал его Русским. Хребет этот, относящийся к Западному Кунь-луню, простирается между долинами рек Карамуран и Керия на 400 км. В своей западной части он достигает высоты 6626 м. Северный склон его круто обрывается к Таримской впадине. На всем своем протяжении хребет ограждает Тибетское плато от пустыни Такла-Макан.

Дальнейший путь каравана лежал на запад, вдоль северного подножия Русского хребта. Путешественники посетили золотой прииск «Коба», пересекли глубокие ущелья и, измученные тяжелой дорогой, жарой и пыльными бурями, остановились на неделю в оазисе Ния. Селение и весь оазис Ния расположены на одноименной реке «верстах в 50 по выходе ее из хребта Русского».

Пржевальский отмечает, что «оазис Ния начинается собой на юго-востоке таримского бассейна длинный ряд таких же оазисов, которые с большими или меньшими промежутками тянутся здесь вдоль подошвы Куэн-луня, Памира и Тянь-шаня.

Таким образом все они лежат на окраине таримской котловины, там, где притекающая с гор вода доставляет необходимую влагу для орошения... весьма плодородной лёссовой почвы»¹.

Вскоре по выходе из Нии караван опять остановился на пять дней в небольшом оазисе Ясулгун, расположенном на берегу пруда, обсаженного ивами и тополями. Здесь решили дожидаться переводчика Абдула Юсупова, оставленного больным в Черчене.

Путешественники скромными празднествами отмечали каждую пройденную тысячу верст. И вот в Ясулгуне была отпразднована шестая тысяча верст пути от Кяхты (6400 км). Местным жителям, с которыми сложились дружеские отношения, очень понравилась гармонь. Слух об удивительном музыкальном инструменте опережал путешественников, и нередко выезжавшие им навстречу просили прежде всего дать им «послушать музыку».

Как только приехал выздоровевший переводчик, экспедиция 1 июня двинулась дальше, в Керюю, куда и прибыла через два дня. Расположенный на одноименной реке, примерно в 50 км севернее гор, Керийский оазис оказался одним из крупнейших на пути экспедиции. В нем насчитывалось до 3 тыс. дворов. Населен он мачинцами. Многие жители кроме земледелия и овцеводства нередко занимались отхожим промыслом: мыли золото, добывали нефрит.

Река Керия в своем горном течении богата нефритом. Центральная Азия, особенно северные склоны Западного Куньлуня, с древнейших времен славилась этим камнем. У многих восточных народов он почитался талисманом и дорого ценился. Цвета

¹ Пржевальский Н. М. От Кяхты на истоки Желтой реки, с. 253.

нефрита весьма разнообразны. Камень хорошо поддается резьбе и прекрасно полируется. Из него делают кольца, серьги, браслеты, мундштуки, ларчики, табакерки и т. д.

В Керии экспедиция пробыла шесть суток, готовясь к маршруту по прилегающим горам. Первоначально Пржевальский намеревался даже сделать на два-три месяца вылазку на Тибетское плато, но отсутствие троп, пригодных для верховой езды, заставило его отказаться от этой мысли.

Сделав еще остановку в деревне Ачан, близ подножия западной оконечности Русского хребта, экспедиция 16 июня двинулась в дальнейший путь, имея 37 лошадей и 5 ослов. Верблюдов оставили в Керии для отдыха.

От Керии до реки Юрункаш на 160 км простирался неприступной стеной, достигая 5—6 тыс. м высоты, безымянный хребет. Пржевальский назвал его Керийским (хр. Музтаг, достигает 7282 м высоты). Склоны хребта были безлесны, скалисты. Его верхняя часть сплошь покрыта вечными снегами и ледниками, ниже которых виднелись альпийские луга, сменявшиеся к подножию сухими степями и полупустыней.

Пржевальский в течение месяца исследовал предгорья Керийского хребта, двигаясь вдоль его северного подножия. Путь был очень труден. Приходилось пересекать многочисленные долины и ущелья. Многократно увеличивали сложность пути дожди. Начавшись в июне, они в июле лили почти непрерывно, и в речках сильно прибывала вода. Дожди иногда удерживали путешественников на одном месте по несколько суток. Поэтому за 29 дней караван сумел пройти всего лишь 135 верст (144 км).

Ранним утром 2 августа экспедиция вступила в

оазис Чира и раскинула свой лагерь в тени деревьев. Примерно через неделю сюда прибыли из Керии оставшиеся там казаки, и 16 августа путешественники тронулись в дальнейший путь.

В конце августа экспедиция прибыла в город Хотан — центр обширного и знаменитого с древности оазиса. Отсюда путь уже лежал на север, домой. 5 сентября караван выступил из Хотана и двинулся вдоль одноименной реки через пустыню Такла-Макан, к Тариму.

Весь сентябрь стояла жара. Даже во второй половине месяца в тени было $+25^{\circ}$. Людей донимали комары, а верблюдов — клещи. К счастью, ночи были прохладные.

Незаметно минул сентябрь. 7 октября экспедиция вышла на берег Тарима и переправилась через реку на пароме. Вдоль реки Аксу караван пересек Аксуйский оазис и 16 октября прибыл в город Аксу. Здесь были проданы по дешевке старые верблюды. Весь багаж экспедиции был завьючен на 40 новых верблюдов, присланных из Семиречья.

Близился конец путешествия. Отряд подходил к Тянь-Шаню. Утром 29 октября экспедиция начала подъем на перевал Бедель (4284 м). Очень трудным оказался спуск с перевала, так как снег был покрыт ледяной коркой. Пришлось поодиночке сводить каждого верблюда, при этом двое казаков поддерживали его веревками.

На самой вершине перевала, откуда открывались далекие виды, Пржевальский поздравил участников экспедиции с блестящим ее выполнением.

В тот же день Пржевальский зачитал прощальный приказ: «...более двух лет минуло с тех пор, как мы начали из Кяхты свое путешествие. Мы пускались тогда в глубь азиатских пустынь, имея

с собой лишь одного союзника — отвагу; все остальное стояло против нас: и природа, и люди. Вспомните — мы ходили то по сыпучим пескам Алашаня и Тарима, то по болотам Цайдама и Тибета, то по громадным горным хребтам, перевалы через которые лежат на заоблачной высоте. Мы жили два года, как дикари, под открытым небом, в палатках или юртах и переносили то 40-градусные морозы, то еще большие жары, то ужасные бури пустыни... Мы выполнили свою задачу до конца — прошли и исследовали те местности Центральной Азии, в большей части которых еще не ступала нога европейца. Честь и слава вам, товарищи! О ваших подвигах я поведаю всему свету. Теперь же обнимаю каждого из вас и благодарю за службу верную — от имени науки, которой мы служили, и от имени родины, которую мы прославили...»¹

От перевала Бедель экспедиция по плато Тянь-Шаня и живописному ущелью спустилась в котловину озера Иссык-Куль. «Пахнуло чем-то радостным, дорогим, счастливым, — пахнуло родиной! — вспоминает П. К. Козлов. — Первый человек, которого мы здесь увидели, был русский мужичок, везший воз сена на русской лошадке, запряженной по-русски. Когда мы проходили вблизи него, когда он остановился и своим добродушным взглядом недоумевающе посмотрел на нас и одною рукою погладил свою русую бороду, а другою снял шапку и особенно симпатично произнес на родном языке: «Здравствуйте!» — мне хотелось подбежать к нему и крепко-крепко его обнять — так волновался я тогда от избытка чистого восторга...»²

¹ Пржевальский Н. М. От Кяхты на истоки Желтой реки, с. 328.

² Козлов П. К. В азиатских просторах, с. 132—133.

Из ближайшего к границе города Каракола, раскинувшегося на восточном берегу Иссык-Куля, навстречу экспедиции выехали местные власти, офицеры, чиновники и в заранее приготовленной юрте преподнесли русские «хлеб-соль».

В самом Караколе Пржевальский получил поздравительную депешу из Петербурга. Однако вместе с радостью от возвращения на Родину, от сознания выполненного долга Пржевальский испытывал и грусть. Она была навеяна мыслью, что силы у него уже не те, что раньше, что, возможно, это путешествие — последнее.

Неделя ушла на приведение в порядок всех материалов, а 15 ноября Николай Михайлович выехал из Каракола.

Экспедиция прошла на верблюдах и лошадях 7325 верст (7815 км). Крупнейшими ее достижениями были: исследование и нанесение на карту истоков Хуанхэ и двух больших озер, открытие и описание многих хребтов в системе Куньлуня, географическое изучение юга и востока Кашгарии, а также новые, углубленные исследования озера Лобнор и низовьев Тарима.

Как и в предыдущих путешествиях, Пржевальский вел маршрутную съемку местности, определял астрономические пункты, вел регулярные метеорологические наблюдения. Обширны и ценны были собранные ботанические и зоологические коллекции. Достаточно сказать, что одних шкурок птиц было привезено более 2 тыс. экземпляров. Шире, чем в прошлые экспедиции, проводились этнографические наблюдения, давшие ценный материал о быте и хозяйстве населения Центральной Азии.

Важнейшие научные результаты, как и сам ход экспедиции, были изложены Н. М. Пржевальским

в капитальном труде «От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-нор по бассейну Тарима».

Работа над отчетом об экспедиции заняла у Пржевальского более двух лет. Книга вышла в свет осенью 1888 г. и была высоко оценена географами всего мира.

Вторая Тибетская экспедиция знаменательна еще и тем, что в ней впервые принял участие и прошел практическую экспедиционную школу один из выдающихся учеников Пржевальского и продолжатель его дела — Петр Кузьмич Козлов.

В ЗЕНИТЕ СЛАВЫ

Встреча в столице после четвертой Центральноазиатской экспедиции Пржевальского была не менее триумфальной, чем после предыдущей. Сам Пржевальский был произведен в генерал-майоры и получил добавочную пожизненную пенсию. Поручика Роборовского наградили орденом Св. Владимира 4-й степени, он также получил прибавку к пожизненной пенсии. Все остальные члены экспедиции были награждены знаками отличия военного ордена и единовременными денежными пособиями.

Географическое общество чествовало Н. М. Пржевальского на чрезвычайном торжественном собрании, на котором великий путешественник прочитал лекцию о законченном путешествии. В феврале 1886 г. Совет Географического общества постановил переименовать хребет Загадочный в хребет Пржевальского.

Вскоре после приезда в Петербург Николай Михайлович был избран почетным членом ряда российских и иностранных ученых обществ. Он узнал также, что еще во время экспедиции, в 1884 г., Шведское антропологическое и географическое общество избрало его своим иностранным

членом и наградило медалью «Вега», а в 1885 г. Итальянское географическое общество — Большой золотой медалью. В 1886 г. Германская Академия естественных и медицинских наук прислала ему диплом действительного члена.

Все эти награды и высокая оценка деятельности учеными обществами были, конечно, приятны Николаю Михайловичу, но суматошная жизнь в Петербурге, бесконечные чествования, приемы и знакомства его тяготили. «Пребываю еще в Питере,— писал он кяхтинскому купцу А. М. Лушникову в конце февраля 1886 г.,— и мучаюсь несказанно; не говоря уже про различные чтения и официальные торжества, мне просто невозможно пройти ста шагов по улице — сейчас опознают, и пошла писать история, с разными расспросами, приветствиями и т. п. Мало того, Телешову проходу не дают...»¹

Пржевальский рвался в Слободу, чтобы отдохнуть и начать работу над отчетом о путешествии. Наконец 20 марта он приехал в свое имение, а через два дня с казаком Телешовым уже отправился в лес на охоту. И всю весну его почти не было дома — днем охотился, вечером рыбачил и ночевал в лесу, подстерегая глухарей, тетеревов и вальдшнепов.

Он сожалел, что нет с ним его спутников — Рогоборовского и Козлова. Первый готовился к поступлению в Академию Генерального штаба, а второй был в юнкерском училище. В письмах к ним Николай Михайлович сообщает о жизни в деревне, наставляет их усерднее заниматься и просит почаще ему писать.

¹ Дубровин Н. Ф. Николай Михайлович Пржевальский, с. 422.

В Слободе Пржевальский прожил почти безвыездно все лето и большую часть осени, занимаясь благоустройством сада, хлопотами о постройке нового дома, понемногу работая над отчетом об экспедиции.

В ноябре Николай Михайлович выехал в Петербург, где в начале декабря передал в дар Зоологическому музею Академии наук свою орнитологическую коллекцию.

29 декабря 1886 г. Николай Михайлович присутствовал на годовом торжественном собрании Академии наук, где ему была вручена золотая медаль. На ее лицевой стороне дан портрет путешественника в профиль с надписью вокруг: «Николаю Михайловичу Пржевальскому Императорская Академия наук», а на обороте слова: «Первому исследователю природы Центральной Азии. 1886 г.», окруженные лавровым венком.

В своей речи при вручении медали неперемный секретарь академии К. С. Веселовский высоко оценил деятельность Пржевальского.

«Есть счастливые имена,— сказал он,— которые довольно произнести, чтобы возбудить в слушателях представление о чем-то великом и общеизвестном. Таково имя Пржевальского. Я не думаю, чтобы на всем необъятном пространстве земли Русской нашелся хоть один сколько-нибудь образованный человек, который бы не знал, что это за имя...»¹ Отметив исключительное мужество и силу духа, проявленные Пржевальским во время экспедиций, Веселовский подчеркнул, что ценой риска были добыты неисчерпаемые богатства для науки.

«...Я обязан быть кратким и потому скажу только, что имя Пржевальского будет отныне симво-

¹ Дубровин Н. Ф. Николай Михайлович Пржевальский, с. 431—432.

лом бесстрашия и энергии в борьбе с природою и людьми и беззаветной преданности науке...»¹

Награждение именной медалью, речь академика Веселовского произвели большое впечатление на Николая Михайловича. Его первый биограф Н. Ф. Дубровин отмечает, что «никогда не случилось его видеть в таком возбужденном состоянии, как в этот раз»².

Чествование в Академии наук было, пожалуй, апофеозом славы Пржевальского.

Весь январь 1887 г. прошел у Николая Михайловича в хлопотах по устройству выставки собранных коллекций. Открылась она в залах Зоологического музея Академии наук в первых числах февраля и произвела огромное впечатление на посетителей.

В начале марта Николай Михайлович уехал в свою Слободу, чтобы продолжить работу над описанием четвертого Центральноазиатского путешествия, а также следить за постройкой нового дома.

Новый дом, по словам друзей Пржевальского, был его любимым детищем и строился по составленному им плану. Летом 1887 г. он в основном был окончен. На первом этаже шесть комнат, на втором — три. Завершался дом мезонином. В гостиной стояло чучело тибетского медведя с подносом, на котором обычно лежали яблоки и сливы. В столовой под стеклянными колпаками красовались чучела фазанов, а на стене — голова антилопы оронго. В кабинете, возле письменного стола, стоял шкаф для ружей, всегда содержавшихся в образцовом порядке. Рядом с кабинетом была спальня с железной кроватью и матрацем из хвостов ди-

¹ Дубровин Н. Ф. Николай Михайлович Пржевальский, с. 433.

² Там же.

кого яка — особой гордости Николая Михайловича. В одной из комнат второго этажа помещалась большая библиотека.

Однако и в новом доме Николай Михайлович занимался редко. Как правило, весь день он проводил в «хатке». В саду, среди зелени, ему лучше работалось, свободнее дышалось.

К марту 1888 г. работа над рукописью была закончена, и Пржевальский повез ее в Петербург. Сдав рукопись в печать, Николай Михайлович тотчас же представил Совету Географического общества план нового, пятого путешествия в Центральную Азию сроком на два года.

Исходным пунктом экспедиции намечался город Каракол на озере Иссык-Куль. Отсюда предполагалось осенью 1888 г. двинуться через Тянь-Шань в Хотан, далее через Керию в Гас, где надо было устроить склад под охраной семи или восьми казаков. Весну и лето 1889 г. намечалось посвятить исследованию Северо-Западного Тибета. Возвратившись к складу и обновив запасы и вьючных животных, ранней осенью предполагалось двинуться к Лхасе. Поздней осенью 1890 г. путешествие должно было быть закончено.

Вскоре разрешение на путешествие было получено и выделены необходимые средства. В состав экспедиции кроме Пржевальского назначались поручик Роборовский, подпоручик Козлов, 6 нижних чинов из Московского военного округа, 5 солдат и казаков из Забайкалья и 13 солдат и казаков из Туркестанского военного округа.

Николай Михайлович стал деятельно готовиться к отъезду и принимал меры для ускорения издания книги. В начале августа книга «От Кяхты на истоки Желтой реки» вышла из печати. В этом же месяце после длительной переписки был получен

от китайского правительства охранный лист на имя генерал-майора Пржевальского для путешествия в Тибет.

Весть о новой экспедиции Н. М. Пржевальского быстро распространилась по всему миру и вызвала беспокойство в английских кругах. Лондонские газеты отмечали странное, по их мнению, совпадение этого путешествия с напряжением отношений между Англией и Тибетом. Английские политические круги опасались, что экспедиция снаряжена специально, чтобы создать новые затруднения для Англии, намекали на возможность заключения секретного договора между Россией и далай-ламой. Все это были пустые домыслы. Новая экспедиция, как и все предыдущие экспедиции Н. М. Пржевальского, преследовала исключительно научные цели.

К ОЗЕРУ ИССЫК-КУЛЬ. БОЛЕЗнь И КОНЧИНА

Собираясь в новый дальний путь, Н. М. Пржевальский в июле 1888 г. в последний раз приехал в свою любимую Слободу.

Он составил подробную инструкцию для управляющего и сделал необходимые хозяйственные распоряжения.

На этот раз Николай Михайлович отправлялся в экспедицию без обычного энтузиазма, очень нервничал. Перед отъездом из Петербурга он получил известие от спутника его прежних путешествий — Дондока Иринчинова, что тот не решается идти в новую экспедицию, так как не надеется на свои силы. Пржевальский признавал его доводы справедливыми, даже говорил, что Иринчинов умно делает, что не едет, но очень сожалел, что лишился такого надежного спутника.

Тяжело расставался Николай Михайлович и с няней, и с родными. «Никогда он не плакал так при расставании с нами, — говорил его племянник Владимир Владимирович Пржевальский, — как в последний раз; он стал прощаться и первый заплакал. Вероятно, тяжелое предчувствие давило ему сердце...»¹

¹ Козлов П. К. В азиатских просторах, с. 148

Утром 5 августа Николай Михайлович тепло простился со всеми присутствующими, затем вышел на террасу и на одной из колонн написал красным карандашом: «5 августа 1888 г. До свидания, Слобода. Н. Пржевальский». Затем подозвал своих спутников и попросил их также расписаться по старшинству: Роборовский, Козлов, Телешов, Нефедов.

Сев в свою любимую тележку без рессор, Николай Михайлович тронулся в путь, и, когда озеро Сапшо стало скрываться, он встал, обернулся назад и сказал: «Ну, теперь прощай, мое озеро!»

Из Петербурга путешественники выехали 18 (30) августа. Проводы были очень теплые — собрались друзья и знакомые, присутствовало много газетных репортеров. В Москве Пржевальского застала весть о смерти няни. Хотя Николай Михайлович был подготовлен к печальному известию, переживал он ее кончину тяжело.

24 августа экспедиция выехала из Москвы поездом в Нижний Новгород, где путешественники пересели на пароход и затем Волгой и Каспием достигли берегов Туркестана. По Закаспийской железной дороге, которая произвела большое впечатление на Пржевальского, они к 7 сентября прибыли в Самарканд. Отдохнув в доме сводного брата Николая Михайловича — Н. И. Толпыго, участники экспедиции доехали сначала до Ташкента, а затем на почтовых до Пишпека (ныне Фрунзе), куда прибыли 23 сентября. Из Пишпека Николай Михайлович ездил в Верный (ныне Алма-Ата) за получением купленного там китайского серебра на расходы и отбора солдат и казаков.

В окрестностях Пишпека Пржевальский видел массу фазанов и 4 октября отправился с Роборовским на охоту. Охота оказалась роковой. Николай

Михайлович несколько раз пил сырую воду в местах, где зимой 1887 г. свирепствовал брюшной тиф. Так и осталось загадкой, как он мог позволить себе пить сырую воду, когда всегда всем участникам экспедиции категорически запрещал это. Роковые последствия сказались через десять дней.

Закупив верблюдов и завершив другие дела, Пржевальский оставил Пишпек и 10 октября прибыл в Каракол.

Вероятно, Николаю Михайловичу уже было не по себе. Ему не понравилась ни одна из квартир в городе, и 14 октября экспедиция перебралась за город и устроилась в юртах. На следующий день он почувствовал себя больным. Но согласился вызвать врача лишь 17 октября, когда состояние его резко ухудшилось.

К сожалению, лекарства помогали мало, состояние больного становилось все более тяжелым. Врач И. И. Крыжановский настоял, чтобы Пржевальского перевезли в город, в сухое теплое помещение. 18 октября Николая Михайловича поместили в глазной барак каракольского лазарета, а остальные члены экспедиции разместились во дворе, поставив несколько юрт.

За прошедшие годы Н. М. Пржевальский подорвал свое здоровье в трудных экспедициях. Он стал грузным, тяжелым, организм уже не мог достаточно активно бороться с инфекцией, и болезнь быстро прогрессировала. «Приходя в сознание, — вспоминает П. К. Козлов, — и видя себя окруженным нами, он говорил совершенно спокойно и твердо о своей близкой смерти.

— Я нисколько не боюсь смерти, — говорил он, — я ведь несколько раз стоял лицом к лицу с ней.

Замечая на наших глазах слезы, он называл нас «бабами».

— Похороните меня непременно на Иссык-Куле, на красивом берегу. Надпись сделайте простую: «Путешественник Пржевальский»¹.

20 октября (1 ноября) 1888 г. Николая Михайловича не стало. Согласно его желанию, он был похоронен на берегу одного из красивейших в мире горных озер, в 12 км от Каракола.

«Местность эта, говорил руководитель Географического общества П. П. Семенов на собрании, посвященном памяти Н. М. Пржевальского, — хорошо мне знакома; она так врезалась неизгладимыми чертами в моей памяти, что я как бы вижу ее перед собою, обращаясь от только что закрывшейся могилы к заветному югу. Широко раскинулась вправо синяя поверхность необъятного к западу озера. Впереди высится горная стена Небесного хребта, образующая вправо окраину озера, увенчанную непрерывным рядом снежных вершин...

Этот величественный ряд закутанных в белоснежные саваны великанов стоит на страже дорогой нам могилы, обозначая собою ту грань Русской земли, за пределы которой наш славный путешественник делал свои отважные набеги в почти неведомые до него в научном отношении страны. Из-за этой грани привозил он нам богатую добычу планшетов, записей и естественноисторических коллекций...

¹ Козлов П. К. В азиатских просторах, с. 154.

ПАМЯТЬ О Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКОМ

Родина высоко оценила заслуги Н. М. Пржевальского и увековечила память о нем. Город Каракол в 1889 г. был переименован в Пржевальск¹.

У могилы великого путешественника, на высоком берегу Иссык-Куля, в 1893 г. был сооружен величественный памятник. Он создан по проекту друга Н. М. Пржевальского генерала А. А. Бильдерлинга скульптором И. Н. Шредером.

Памятник выполнен в виде гранитной скалы, на вершине которой распростерший крылья большой бронзовый орел — олицетворение ума, силы и бесстрашия. В клюве орла оливковая ветвь — эмблема мирных завоеваний науки, под когтями — карта Азии с маршрутами путешествий Пржевальского. На лицевой стороне скалы, в верхней части, выделяется бронзовый крест, под ним, в середине скалы, куда ведут высеченные в ней ступени, — увеличенная бронзовая медаль с барельефом путешественника. Под медалью — высеченная в камне надпись: «Николай Михайлович Пржевальский. Первый исследователь природы Центральной Азии. Род. 31 марта 1839 г., ск. 20 окт. 1888 г.»

В советское время по соседству с памятником вырос поселок городского типа Пристань-Пржевальск, подчиненный Пржевальскому горсовету. Город Пржевальск стал центром Иссык-Кульской области Киргизской ССР.

Годом раньше, чем на Иссык-Куле, Пржевальскому был поставлен памятник в Петербурге. Здесь, напротив Адмиралтейства, недалеко от

¹ С 1921 по 1939 г. город снова называли Караколом, в ноябре 1939 г. он был вновь переименован в Пржевальск.

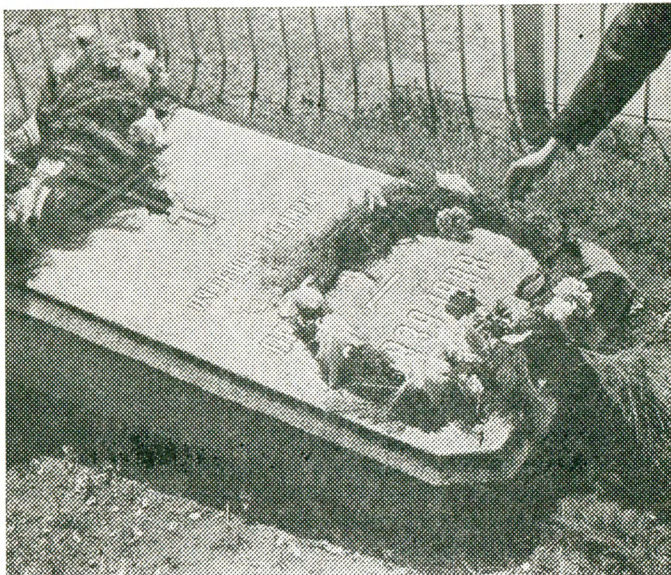

Могила Н. М. Пржевальского на берегу оз. Иссык-Куль памятников В. А. Жуковскому, Н. В. Гоголю, М. Ю. Лермонтову, М. И. Глинке, на постаменте в виде гранитной скалы установлен бронзовый бюст Пржевальского. У подножия постамента лежит навьюченный верблюд — олицетворение экспедиций. Памятник сооружен также по проекту А. А. Бильдерлинга скульптором И. Н. Шредером.

Недалеко от могилы Пржевальского в 1959 г. открыт первый мемориальный музей, экспонаты которого рассказывают о жизни и деятельности великого путешественника.

В связи со 125-летием со дня рождения Н. М. Пржевальского в 1964 г. село Слобода переименовано в село Пржевальское. Тогда же в нем был открыт народный краеведческий музей с экспозицией о Пржевальском. В 1974 г. село Прже-

вальское было преобразовано в поселок городского типа, а в 1975 г. завершилось восстановление дома Н. М. Пржевальского, который он построил незадолго до кончины (дом в 1941 г. был сожжен ги-

Надгробие на могиле Н. М. Пржевальского

тлеровцами). Ныне здесь открыт второй мемориальный музей Н. М. Пржевальского.

Русское географическое общество утвердило в 1891 г. в честь Н. М. Пржевальского Большую серебряную медаль и премию его имени. В том же году первыми получили медаль им. Пржевальского за труды по изучению Центральной Азии геолог К. И. Богданович, географы П. К. Козлов и В. И. Ро-

боровский, а премию — географ, зоолог и востоковед Г. Е. Грумм-Гржимайло.

В связи со столетием Географического общества в 1946 г. было утверждено новое положение о его медалях и премиях. Кроме Большой золотой медали, присуждаемой раз в три года, учреждены золотые медали имени Ф. П. Литке, П. П. Семенова и Н. М. Пржевальского, присуждаемые раз в два года. Золотая медаль им. Н. М. Пржевальского присуждается за труды по картографии, геодезии, математической географии, геоморфологии, военной географии, за важные по научным результатам путешествия в малоизвестные местности. Первым Золотой медалью им. Н. М. Пржевальского был награжден в 1947 г. Э. М. Мурзаев — за географические исследования в МНР.

По случаю столетия со дня рождения Н. М. Пржевальского (1839—1939) в 1940 г. вышел специальный выпуск «Известий Всесоюзного географического общества» с посвящением:

Великому путешественнику
Николаю Михайловичу Пржевальскому,
навек прославившему русское имя
и беззаветно отдавшему свою жизнь
на служение науке и Родине
Географическое общество

В сборнике помещены статьи крупных ученых о Пржевальском и опубликованы его дневники второго и начала пятого путешествий в Центральную Азию, автобиографический рассказ, «Воспоминания охотника» и письма к казаку Телешову.

Имя Николая Михайловича Пржевальского навсегда вошло в науку. Оно присвоено некоторым из открытых им животных и растений. Его имя носят хребет в системе Кунылуна, ледник на Алтае и ледник в горном узле Хан-Тенгри, полуостров на острове Итуруп в Курильской гряде.

КЛАССИК ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ

Начав свою экспедиционную деятельность в 28 лет, Н. М. Пржевальский 21 год посвятил изучению мало известных или совсем еще никем не исследованных азиатских пространств.

С 1867 по 1888 г. Николай Михайлович возглавлял пять длительных экспедиций. Им пройдено за это время 33 270 км, из которых 31 550 км приходится на центральноазиатские путешествия. Свыше десяти лет провел Пржевальский в пути! Остальные годы употреблены им на сборы в дорогу, подготовку экспедиций, на проезд до границы и обратно, а главное, на обработку добытых результатов.

Между путешествиями Пржевальский занимался литературными трудами. В прекрасно написанных книгах Н. М. Пржевальский давал яркие картины природы исследованных им территорий. Изучение природы Николай Михайлович считал своей главной задачей. И действительно, в области физической географии Азии им сделано особенно много. Но Пржевальский был географом широкого профиля. В своих работах он посвящает человеку, экономическим и политическим отношениям немало места. Так что трудно даже назвать отрасль географии, в которую бы Пржевальский не внес что-нибудь существенное, а нередко и настолько важное, что в корне меняло существовавшие до него представления.

На протяжении более 20 тыс. км Н. М. Пржевальский вел глазомерную съемку местности, определил высоту 231 пункта, 63 астрономических

пунктов. В результате совершенно изменилась карта Центральной Азии: Пржевальский установил истинное направление важнейших горных систем Высокой внутренней Азии, открыл ряд новых громадных хребтов (Алтынтаг, Гумбольдта, Риттера, Пржевальского и многие другие), уточнил северную границу Тибетского нагорья, впервые точно показал на карте исследованные им озера Лобнор и Кукунор, Джарин-нур и Орин-нур. Пржевальский достиг и нанес на карту истоки Хуанхэ и верховья Янцзы — величайших рек Китая, описал крупнейшую реку Центральной Азии — Тарим.

Н. М. Пржевальский впервые дал подробное описание великой центральноазиатской пустыни Гоби, показал, что она не является поднятием, что в ней преобладают не пески, а каменистые и глинистые поверхности.

Огромную ценность представляют метеорологические наблюдения, проводившиеся Пржевальским с исключительной систематичностью; его описания погоды, стихийных явлений природы — пыльных бурь, снегопадов и т. п. Выдающийся климатолог и путешественник А. И. Воейков, обрабатывающий метеорологические наблюдения Пржевальского, высоко оценил его вклад в изучение климата Азии.

Ну и, конечно, огромное значение для науки имели ботанические и зоологические коллекции, собранные экспедициями Пржевальского. Гербарий насчитывал более 15 тыс. растений 1700 видов. Среди них ботаниками было описано 218 новых видов и семь новых родов! Важно было, что растения не только собраны, но о каждом сказано, в каких местностях оно встречается, на какой высоте, на каком склоне и т. п., то есть указаны условия его обитания.

Особенно хороши были зоологические коллекции, в которых насчитывалось более 7,5 тыс. экземпляров, в том числе 702 млекопитающих, 5010 птиц, 1200 пресмыкающихся и земноводных, 643 рыбы. В громадной коллекции оказались десятки новых видов животных, ранее неизвестных науке, и среди них дикая лошадь, дикий верблюд, тибетский медведь. Зоологическая коллекция Пржевальского и до сих пор — гордость Зоологического музея Академии наук в Ленинграде. Большую ценность представляют наблюдения Пржевальского за повадками и условиями жизни зверей и птиц.

Экспедиции Пржевальского, опубликованные им материалы произвели коренной переворот во взглядах на природу Центральной Азии.

Кроме того, Пржевальский познакомил европейскую науку с бытом, хозяйством и общественными отношениями неизвестных до того времени народов — лобнорцев, дунган, тангутов и др.

«Окиньте взглядом все сделанное Н. М. Пржевальским,— писал первый президент Географического общества СССР Ю. М. Шокальский,— и он встанет перед вами во весь богатырский рост, поразит и увлечет вас громадной совокупностью своих искренних стремлений открыть науке истинную картину природы Центральной Азии»¹.

Заслуги Н. М. Пржевальского не исчерпываются результатами его экспедиций, как бы велики эти результаты ни были. Не меньшая его заслуга в том, что он первым начал исследования необъятных просторов Центральной Азии и привлек своими экспедициями, блестящими трудами внимание к этому региону других исследователей.

Уже с 1876 г. к исследованию Центральной Азии

¹ Известия ВГО, т. 72, вып. 4—5, 1940, с. 468.

приступили такие крупные ученые, как Г. Н. Потанин и М. В. Певцов, с 1886 г. — Г. Е. Грумм-Гржимайло, а с 1892 г. — В. А. Обручев. Много сделали для познания природы Центральной Азии непосредственные ученики Н. М. Пржевальского — В. И. Роборовский и особенно П. К. Козлов. Эти ученые в своих экспедициях пользовались методикой комплексных географических исследований, выработанной Пржевальским на основе идей П. П. Семенова-Тян-Шанского. И свои отчеты они стремились выполнять в той же общедоступной форме, в которой были написаны труды Н. М. Пржевальского.

В годы Советской власти изучением Центральной Азии занимались такие выдающиеся ученые, как геолог В. М. Синицын, почвовед Б. Б. Полюнов, ботаник А. А. Юнатов, гидролог Н. Т. Кузнецов, географ Э. М. Мурзаев, палеонтолог И. А. Ефремов, пустыновед М. П. Петров и многие другие. Деятельность учеников и последователей великого путешественника по изучению Центральной Азии стала лучшим ему памятником.

Н. М. Пржевальский занимает почетное место среди замечательных путешественников всех времен и народов. В русской географической науке он первым ввел в маршрутные описания путешествий комплексные характеристики изученных местностей. Передавая в яркой художественной форме свои впечатления от природы того или иного района, Пржевальский в то же время раскрывает взаимосвязь всех компонентов природы, дает объяснения причин тех или иных явлений, не снижая образности описания.

Одним из первых русских географов Н. М. Пржевальский дал образцы страноведческих характеристик посещенных мест — наряду с описанием приро-

ды он рассказывает о населении, его быте и хозяйстве, о городах и селениях.

«В истории науки есть личности,— пишет Э. М. Мурзаев,— идеи и труды которых являются целой эпохой. Проходят десятилетия, но не умирает память о них; наоборот, на некотором расстоянии еще сильнее подчеркивается их величие, неутомимость, научная страсть. К таким ученым относится и Николай Михайлович Пржевальский... Несмотря на большой период, истекший со времени его путешествий, память о нем свежа в самых широких слоях нашего общества. Имя Пржевальского читается у нас как имя одного из самых выдающихся деятелей науки, а географы Советского Союза с полным основанием считают его классиком русской географической науки, которому нужно следовать, у которого нужно учиться, которого всегда можно изучать»¹.

¹ Мурзаев Э. М. Великий русский путешественник Николай Михайлович Пржевальский. — В кн.: Пржевальский Н. М. Монголия и страна тангутов, с. 15.

СОДЕРЖАНИЕ

ВО ИМЯ НАУКИ, ДЛЯ СЛАВЫ РОДИНЫ — 3. СЫН СМОЛЕНЩИНЫ — 8. ПЕРВАЯ ПРОБА СИЛ — 19. НАЧАЛО ВЕЛИКИХ СТРАНСТВИЙ — 36. МЕЖДУ ДВУМЯ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИМИ ЭКСПЕДИЦИЯМИ — 58. ПРЕРВАННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ — 65. ПЕРВАЯ ТИБЕТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ — 78. НА ОЗЕРЕ САПШО — 100. ВТОРАЯ ТИБЕТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ — 107. В ЗЕНИТЕ СЛАВЫ — 125. К ОЗЕРУ ИССЫК-КУЛЬ. БОЛЕЗНЬ И КОНЧИНА — 131. ПАМЯТЬ О Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКОМ — 135. КЛАССИК ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ — 139.

Иннокентий Варфоломеевич Козлов

ВЕЛИКИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК

Заведующий редакцией Ю. О. Гнатовский
Редактор Б. Н. Малкес
Редактор карт О. В. Трифонова
Младший редактор Е. И. Потапова
Оформление художника Ш. Г. Джиоева
Художественный редактор А. М. Павлов
Технический редактор Е. А. Молодова
Корректор И. В. Равич-Щербо

ИБ № 2260

Сдано в набор 02.10.84. Подписано в печать 28.12.84. А 10121. Формат 70×100^{1/32}. Бум. для глуб. печ. Гарн. журнально-рубленая. Высокая печать. Усл. печ. листов 5,80. Усл. кр.-отт. 6,04. Учет.-издат. листов 5,99. Тираж 60 000 экз. Заказ № 1040. Цена 20 к.

Издательство «Мысль». 117071, Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Типография издательства «Калининградская правда»,
236000, Калининград обл., ул. Карла Маркса, 18.

Сканирование - Беспалов
DjVu-кодирование - Беспалов

20 к.

Издательство «Мысль».

И. В. Козлов

ВЕЛИКИЙ
ПУТЕШЕСТВЕННИК

